

АЛЕКСЕЙ БЕРКУТ

Сеятели

КНИГА 3. ХРОНИКА ВЕЛИКОГО
ВСПЛЕСКА

Алексей Беркут

**Сеятели. Книга 3. Хроника
Великого всплеска**

«Издательские решения»

Беркут А.

Сеятели. Книга 3. Хроника Великого всплеска / А. Беркут —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832720-9

Когда придет беда, ей не будет дела до ваших расовых разборок, военных блоков и границ государств. Предвестник Союза Рукава летит на Землю, но гирамидды достигли своей цели. Человечество пережило страшный голод, новую мировую войну, но информационно-энергетический баланс окончательно нарушен и Солнце теряет стабильность. На Земле новая власть — нейроконтроль и те, кто с ним воюет. Никита, член сопротивления, отступник. Он совершает страшный поступок и теперь пытается все исправить.

ISBN 978-5-44-832720-9

© Беркут А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сеятели

Книга 3. Хроника Великого всплеска

Алексей Беркут

Конец света уже наступил, он незримо позжирает мир.

© Алексей Беркут, 2017

ISBN 978-5-4483-2720-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Чего ты ждал от своих действий.
Если убил в себе все светлое и чистое.
Ложь, алчность и невежество поставил на пьедестал.
Они пропитали тебя насквозь.
Все в мире бесконечно, но не ресурсы планеты, её здоровье.
Если наливать воду в бутылку, то она переполнится
Кто же ты, если не способен это предотвратить!*

Странное такое утро. Очередное утро в этом опустошенном мире. В мире, где меня никто уже не ждет. Ни жена, ни сын. Это меня все же изредка угнетает. И приходится каждый раз браться за работу, чтобы не думать и не вспоминать. И гнать, гнать всю грусть и тоску прочь.

Мы стоим с Турсуновым, моим лучшим другом, посреди ледяной пустыни и пытаемся сообразить, зачем вообще сюда прилетели. Он бесконечно зевает, а я все пытаюсь плотнее закрыть молнии на рулоне. словно два туриста с похмелья. Нет, на самом деле мы здесь по работе, совместному проекту. И не остатки ледяных полей Антарктиды изучать прилетели. Гораздо все сложнее.

Снег, редкое ныне слово. А уж вживую увидеть, это привилегия одиночек, вроде нас. Наконец Турсунов устает от пронизывающего ветра и лезет в кабину эджа. Я проделываю то же самое, только с другой стороны.

– Что думаешь, Евгений?

– А ничего, Джон. Плохо все как-то складывается.

– Не то слово. Особенно в последние три месяца. Они в штаб уже пытались проникнуть?

– Пока инцидентов не было. Успеваем предотвратить, но скорее всего это дело времени.

Фанатики напирают.

– Да, есть такое. А у нас в один из наблюдательных центров проникли, причем открытым методом. Нападение. У меня семь убитых. Хорошо, что там информацию не держим. В последнее время я вообще стараюсь в голове все держать. Что на ассамблее? Ты думаешь, правительства альянсов способны ещё хоть что-то изменить?

– Нет, Джон. Забудь про это. Они способны только ругаться и делить остатки. Я каждый день наблюдаю картину «перетягивания одеяла». Лучше скажи, что за абсурдную идею ты вынашиваешь? Космодром на полюсе!?

– Ха, ты сам-то слышал, что сказал?! Абсурдную. Когда-то Земля плоская была, как считали, и что в результате?! Не моя, во-первых, идея. Это их информация. Во-вторых, геомагнитная стартовая площадка почти построена. Ещё неделя и все. И можно приступить к реализации. Буквально год и мы сможем вздохнуть спокойно.

– Ты уверен, что есть столько времени? По моим данным уже нет. Мы перешли черту. Нужно пробовать с крепостями. Об этом я и прилетел поговорить с тобой, генерал.

– Строить ещё одну крепость или взять из убежища?

– Даже на второй вариант потребуется до полугода. Крепость придется демонтировать. Тайно, по частям доставлять под видом продуктов и научного оборудования. И они все равно проносятся.

– Понятно. Женя, слушай, мне нужно срочно добраться до эфиргонов. Они придумают что-нибудь. У них всегда получалось, а ты пока переводы проект в активную фазу. Другого выхода я не вижу. Лети, Турсунов. Не медли.

– Ладно, друг. Может, ещё свидимся.

Глава 1

Отчаяние приводит к психическим отклонениям. Исчезают грани сознания, спадает облик цивилизованности. Методы и сила для достижения целей становятся невероятно бесчеловечными.

Генсек. Совбез. ООН

Евгений Турсунов

Ассамблея наций. 2035 г.

Дека летел ровно, практически плыл через песчаное море, разлившееся до самого горизонта. Чтобы избежать ветров плоскогорья, экипаж решил вести машину через одно из ущелий, где не так давно открыли отличный маршрут для пилотирования машин на флеромоновой катушке, боявшихся в силу своей конструкции сильного ветра и пыли.

Машина шла вровень со стенами ущелья, так чтобы её сигнал пеленговали башни контроля в порту приписки и на базе, цели полета. На борту находились двое пилотов, инженер-механик и пассажиры, а также один учёный-генетик и два его телохранителя, бойцы подразделения «Тигр». Солдаты были угрюмы, генетик же, объект их охранной миссии, напротив, смеялся, несмотря на своё плохое настроение. Смеялся он из вежливости, над старой шуткой, историей конфликта Европейского Союза и Объединённой Северной Африки в тридцать третьем году, которую рассказывал ему инженер – механик. Этот человек убеждал профессора, что именно союз Тигра и Евфрата, если можно так выразиться, являлись создателями конфликта.

Их диалог прервали громкие голоса, донесшиеся из кабины. Пилоты возбуждённо обсуждали неожиданно возникшую проблему. С левой стороны дека по поверхности стены ущелья на них шла пылевая буря.

Старший пилот связался с контрольными башнями и сообщил, что деку придётся снизиться и пеленг оборвётся на пятнадцать минут. И всем пассажирам было слышно предупреждение диспетчера, что в случае отсутствия машины на радарх по истечении оговоренного лимита времени база, согласно инструкциям, немедленно должна выслать эджи. Получив подтверждение, пилот отключил связь. Собеседники окончательно умолкли и устали на солдат, а те в свою очередь стали ещё более серьёзными. Началось снижение.

В ущелье было тихо. Тишина была абсолютная и этим она завораживала, повергая сознание в состояние легкого гипноза. Даже воздух, горячий и сухой, дышал и насыщался этой тишиной.

Они стояли и смотрели в безоблачное небо. Люди, которым было что терять, и было за что бороться. Один из них сидел на куске песчаника и внимательно изучал информацию, выведенную на экран встроенного в шлем вариокома. Судя по нескольким глубоким морщинам на его лице, внимательному взгляду, слегка прищуренных глаз, в сторону остальной команды и нескольким седым прядям волос на висках, он был старшим в группе. Причем и по возрасту и по рангу.

Рядом стоял человек в легкой броне «тигра» и тихонько напевал себе под нос какую-то простенькую старую песню. Слева от старшего своими делами занимались ещё три человека. Один из них просто стоял, держа в руках блестящий, с изумрудным отливом, кейс. Другие двое мужчин возились со странным иссиня-чёрным кубом. На одной из боковых граней куба выступали над поверхностью около двадцати подсвеченных тумблеров, на другой грани был виден овальный экран янтарного цвета. Эти двое напряжённо следили за показателями прозрачных шкал, каждой из которых соответствовал один из тумблеров и настроечное окно-

колёсико. В тот момент, когда человек в форме «Тигра» прервал пение и решил обратиться к командиру, с северо-западной части ущелья послышался сильный гул.

– Непосвящённый решил бы, что рядом включили вентилятор размером со знаменитую статую Свободы, – воскликнул «Тигр».

– Хорошо, что её останки находятся на острове Гамильтон, а не рядом с нами, Тотти, – ответил парень с кейсом.

– Заканчивайте трещать, давайте за дело! – жёстко осёк бойцов командир.

Он крикнул на ухо «Тигру», чтобы тот присматривал за локатором, а сам подошёл к иссиня-чёрному кубу.

– Как развертка ущелья? У вас всё готово? – спросил он у бойцов.

Один из двоих обернулся.

– Всё в порядке, капитан, не считая того, что дек движется на сто пятьдесят метров выше, чем мы ожидали, – боец немного замялся.

– Да, возможно пилот опытнее, чем мы рассчитывали. Здорово, что африканскому подразделению удалось похитить перехватчик. Без него можно было даже не пытаться совершить задуманное. Пора приступать! – воскликнул командир.

– Можно включать поле? – заговорил другой боец.

– И поскорее. Иначе упустим птичку, – впервые улыбнувшись за время операции, ответил командир группы.

С секунды на секунду должен был появиться летательный аппарат. Вся команда напряглась, взоры были обращены на северо-западный проход ущелья. До слуха главного донёсся звук хрустевших костяшек. Явно кто-то из бойцов нервничал больше, чем другие. Это угадывалось и по громкому сопению.

Время остановилось, решалась судьба задания.

Тотти оторвал взгляд от неба. Взглянув на экран своего вариокома, нервно окликнул капитана.

– Ник, машина уже рядом!

В это мгновение, словно только придя в сознание, зашевелился пятый член группы. Это был шуплый паренек, которому на вид было от силы двадцать лет. Заметно было, как его лихорадило, то ли от страха, то ли от нетерпения. По правде говоря, Марк Харрис был ещё мальчишкой и боялся всего. Собственной возрастной неуверенности, окружающих и предстоящего задания. А думать было некогда. Нужно было четко выполнять поставленную задачу.

Показался дек. Он шёл на высоте шестисот метров, и из-за этого бойцы, стоявшие у куба, немного занервничали.

– Мы его не можем вести по лучу! – воскликнул удручённо Тед.

– Если на полной мощности, то безо всяких тормозов, – ответил Рэнди.

– Тогда выжми максимум из этого прибора и работай! – заорал Ник.

– Но там же наш человек, – Тэд расстроено уставился на командира.

– У Джереми в шлеме трон, и если у него хватило ума включить его на полную мощность, то он даже сознание не потеряет. Его инструктировали достаточно, – воскликнул старший слегка раздражённым голосом.

Капитан Стелли знал, что говорил, поэтому ещё больше начал злиться на своих «зелёных» бойцов. Лет пятнадцать назад, во время третьей войны в персидском заливе, только благодаря тронам, на всякий случай захваченным на задание дорогостоящим приборчикам, Никите удалось вывести свой взвод без потерь. Он прекрасно помнил те два дня, когда пришлось ползать по канализации по уши в нечистотах в поисках выхода из окружения. В памяти каленым железом отпечатались десятки мертвых бойцов с выпученными глазами и вывалившимися изо рта языками. И он никак не мог вытравить из памяти, как практически весь полк, сняв шлемы и побросав оружие, двинулся напрямиком на центральный укрепленный противника.

Где и poleg горами тупых овощей на глазах его взвода. Третья война в заливе стала преддверием ядерного конфликта, кульминацией почти векового противостояния старых сверхдержав. После обмена ядерными ударами, взаимного перехвата подавляющей части боеголовок и разрушения десятка старых мегаполисов, враги поняли, что блицкриг снова не удался. Началась война с применением высокоточных ракет, обычных вооружений. Война технологий, инноваций, лучших умов всей планеты над изобретением новейших изощренных орудий убийства. Карнавал жестокости и извращенной садистской фантазии. Война продлилась почти три года, пока одни не признали бесполезность своих притязаний на территории других. Много событий произошло и на фронтах и внутри самих стран, участников противостояния. И революции, и смена менталитетов, приоритетов и национальных доктрин. В это же время сама планета и Солнце продолжали преподносить сюрпризы, воздавать по заслугам существам, нарушившим энергетический, информационный, экологический баланс. А затем человечество осознало, что сто семьдесят миллионов жертв мировой войны, просто мизер, по сравнению с потерями от последовавших за ней событий.

Включили поле, послышались сухие потрескивания и прямо перед группой показались голубоватые, причудливо переплетённые нити, между которыми «плавали чёрные круги», если это конечно не были галлюцинации.

– Харрис, приступай к удаленному пилотированию, – строго выкрикнул Никита, пытаясь унять собственное раздражение.

Марк сел на ровный камень, обработанный заранее лазерным ножом. Поставил на колени кейс, открыл его и начал над чем-то колдовать.

Тотти по приказу Ника притащил ещё один камень, обработал его в считанные секунды лазерным лезвием и поставил перед Харрисом. Марк поставил на этот камень кейс, вытащив предварительно очки управления и крохотную капсулу, размером в половину ногтя на мизинце. На левую руку натянул перчатку с сотней датчиков внутри. Надев очки, он нажал несколько кнопок, капсула из его руки тотчас же устремилась к деку. Она прикрепилась между основными двигателями основной тяги дека и издала три писка разных частот, которые служили сигналом готовности к работе.

Пилотирование дека, а также аналогичных ему по классу машин, вроде фиверов, байонетов и спунеров, было довольно нелегким делом. У всех этих машин в задней части кузова стояли два ионных двигателя, которые отвечали за горизонтальную тягу. А вот при наборе высоты, посадке и взлёте использовались флеромоновые катушки.

Никто толком и не знал, откуда взялся этот материал флеромон. Но сам факт появления далеко продвинул технологии летательной и особенно космической техники. Однако материал был хрупким и профессиональными, а главное выжившими после полутора лет обучения пилотами становились единицы.

Марк Харрис был именно таким человеком, без опыта, но с ярким талантом к полётам. Талант его не замечали ни родственники, ни друзья, ни армия, но заметили другие люди, фанатики. И они направили талант в нужное русло.

Сигнал о готовности был принят и Марк, нажав ещё несколько кнопок, сообщил Никите, что пора отключать поле. Тэд и Рэнди выключили все тумблеры и начали готовить куб к длительному путешествию. Марк тем временем водил из стороны в сторону левую руку, а правой нажимал световые символы, высвечивающиеся на панели управления встроенной в одну из половинок кейса. Дек поначалу подёргивался и ходил из стороны в сторону, но буквально прошло секунд шесть, и Харрис окончательно освоился. Смахнув испарину со лба свободной рукой, он начал вести ЭПМ «Эдж» на посадку.

Тотти, держа в одной руке свою неотъемлемую винтовку ЭМР-10Г, а в другой сумку, готовился к посадке на борт. Теперь уже было ясно, что энергозарядник он взял не для обтё-

сывания камней. Тем временем дек сел посреди ущелья и все ринулись к машине. Один только Харрис замешкался, собирая кейс, отстал буквально на мгновение и тоже устремился за всеми.

Никита открыл дверь в салон машины, а Моризо влетел туда в прыжке. Сгруппировался, а когда приземлился, уже чётко смотрел своим боевым взором на пассажиров. Эти люди и не собирались сопротивляться. Все они весьма вероятно были мертвы или находились в состоянии глубокой комы. Тотти кинулся проверять свои догадки. Он подскочил к одному из двоих «тигровцев» и начал нащупывать пульс. Прошла секунда, вторая, на третьей Тотти решительно окликнул командира. Никита подошёл с небольшим прибором, направил похожие на усы жука два металлических щупа и нажал на тумблер. «Тигровец» резко дёрнулся, застоял и открыл глаза.

– Послушай, если бы ты умер сейчас, то изрядно подпортил бы настроение всем перед операцией, – сказал раздражённым тоном Ник, и тут же уселся возле «Тигров»

– Да, но я живой. И могу сказать, что в ущелье дек будет находиться четверть часа, а затем сюда явится минимум одно звено эджей и нам всем придётся вообще забыть о причине нашего появления на территории союза трех рек, – дерзко ответил Джереми, держась руками за виски.

– Тогда стоит поторопиться, – воскликнул Ник, – Где Харрис?

– Я здесь. И уже поставил кейс в кабину, капитан, – чуть улыбаясь, протараторил юноша.

– Марк, ступай, готовься к взлёту. В 15 э-э-э, 24 мы должны быть выше этого ущелья и выйти на связь с контролем, – скомандовал капитан, – Тэд, Рэнди, вытаскивайте все эти тела! Начинаем подготовку к операции.

Командир открыл сумку, принесённую Моризо, достал оттуда три коробки и большой металлический цилиндр. Тотти сорвал все застёжки на броне другого охранника, оставив его в одном рузоне. Остальные члены отряда начали перетаскивать пассажиров к песчаному склону. Перед Стелли лежали маска в упаковке, два свёртка с одеждой и цилиндр, внутри которого разместились излучатели ЭМР-7Г.

Ник продезинфицировал лицо специальным спреем из баллона, аккуратно наложил силиконовую маску, разгладил небольшие складки, подправил волосы, затем натянул на себя комбинезон, лежавший в одном из свёртков, и встал. В этот момент, в салон довольно потирая руки, влез Тотти. Сначала он уставился своими чёрными, как эбеновое дерево глазами на командира, потом обернулся в сторону скал и озадаченно спросил.

– Это ты или не ты?

– Я конечно. Позови Рэнди, пусть надевает форму пилота и идёт в кабину к Марку. Мы взлетаем, – ответил спокойно Никита.

В салон залез Рэнди, за ним Тэд. Уже когда последний начал закрывать дверь в грузовой отсек, снаружи послышалось слабое шипение, в полузакрытую створку ударил луч лазера.

Со стороны скал, возле которых недавно пряталась группа, бежал второй охранник с правительственного дека. В руке он сжимал излучатель и, громко матерясь, приближался к машине.

– Джереми, я думал, ты пошутил, а ты и вправду один из отступников! Джереми, всё ещё можно исправить, только помоги мне их обезвредить. Всё равно на базу Урмия не попасть. Там абсолютная система безопасности. У вас ведь даже нейрочипов нет в голове.

Снова послышалось шипение и «тигровец» упал навзничь. В комбинезоне, точно по центру нагрудной нашивки зияло отверстие с обугленными краями. Из него тянулась тонкая светло-серая струйка дыма.

Тотти равнодушно вложил излучатель обратно в цилиндр и направился к своему креслу.

В Никиту в этот момент словно бес вселился.

– Вы, что, – заорал он на весь салон, – даже не удосужились забрать оружие?! Чуть было не сорвали всю операцию. А если бы он не был оглушён. Это же солдат «Тигра»! Взлетай Марк, чёрт вас всех дери, ведете себя как молокососы.

Главный сел обратно на место, потупил глаза в пол и сложив локти на колени, замолчал.

Дек ровно поднялся, повисел несколько секунд у самой поверхности и «поплыл» вниз по ущелью. Спустя пару минут он был уже в трёх километрах от места засады. На высоте тысяча сто двадцать метров Харрис включил кнопку на приборе, который они с Рэнди вмонтировали в приборную панель дека, и активировал нейросвязь.

Глава 2

*Авантюрные выходы всем известного народа
сотрясают планету. Именно народа, потому что он выбирает власть.
У них демократия так называемая, вот пусть народ и отвечает
за действия людей, которых выбирает своими вождями. В одном
регионе от их выходов изжога, в другом судороги! В других рвота
и конвульсии. Остальных же знобит и
подташнивает. А кого-то везут на кладбище...*

Международная нейробблиотека.

Евгений Турсунов. 2036 г.

Фактически это была не лаборатория, а приличных размеров поселение, где работало и проживало около полутора тысяч сотрудников. Около тысячи человек являлись бойцами спецподразделений армии, отвечавшими за безопасность генетиков. Учёные сутки напролёт проводили в кабинетах, стараясь изо всех сил поскорее закончить работу по заказу властей и армии, подчинявшейся этим властям. Солдаты жили своей жизнью, целые днями убивая время в тренажёрном зале, в бассейне и тире, в связи с последними новостями они расслабились. Они здесь присутствовали лишь потому, что учёные разрабатывали что-то для них и весьма опасное. Как часто выражались сами военные «Оружие – их дело, сколь много бы его не было раньше на руках гражданского населения».

База с лабораторией, расположенная юго-восточнее бывшего озера Урмия в Союзе трех рек (Тигр, Евфрат, Нил), жила размеренной, даже тихой в определённом смысле слова жизнью, подчиняясь воле одного человека. Этим человеком был генерал Аль Ахруб.

Сейчас он прогуливался по небольшому балкону своего жилого модуля. Генерал расхаживал из угла в угол, поглаживал короткую густую бороду, говорил вслух, с эмоциями, словно разговаривая с кем-то. Беспokoиться в последние дни было о чём. Работа ученых подходила к концу, с часу на час должны прибыть эксперты. Эти люди должны будут провести анализ работы базы и принять решение об утилизации всех патогенов. Мир перевернул страницу вражды, месяц назад был подписан договор о полном уничтожении ГО и запрете на разработки. Договор, наконец-то подписали все, даже Трират России и ОСА.

Мужчина слегка успокоился, облокотился о перила и посмотрел на купол. Недалеко от купола туда, куда смотрел генерал, пролетела упаковка от синт-завтрака, поднятая воздушно-нагнетателями базы. Сквозь поляризованное защитное стекло пробивались рассеянные лучи солнца.

«Снаружи дует ветер» – размышлял Аль Ахруб, – «наверняка смертельно опасный. И ещё эти лучи». Стоять и смотреть надоело, смотреть было просто не на что. Базу, которая представляла собой прямоугольник с тремя обрубленными углами и одним в девяносто градусов, окружал купол из поляризованного стекла. Купол этот выдерживал термоядерный заряд силой в тридцать мегатонн, бронестекло без труда сдерживало артиллерийские залпы, стрелковое и электромагнитное оружие. Единственное, что могло пробить его, это два типа ракет, которые правительство держало под жесточайшим контролем. Базе практически ничто не угрожало.

Генерал смотрел на унылую местность за куполом. Ему окончательно это надоело, он зашёл внутрь жилого помещения. Сев в кресло из таблеса, стоявшее посередине комнаты, он вновь увидел голограмму семьи. В тысячный раз нахлынули воспоминания. Тогда, ещё десять лет назад он жил в Токио, у него была семья. Токио, причудливый по архитектуре гигас, был едва ли не самым огромным городом на Земле. Квартира его семьи находилась на третьем уровне, девять тысяч триста сороковой отсек, второй модуль. Общей площадью сто тридцать пять квадратных метров. На четверых её вполне хватало. Да, четверых, Аль Ахруба, его жену

Саманту и двух дочерей. В те времена он был счастлив. Потом генерал оказался здесь, на этой никчемной базе, в каком-то захолустье, где его начало пригибать к земле его горе.

Девять лет назад он потерял жену, а спустя пять лет после этого, погибли дочери. Несмотря на все протесты мужа, на его высокую зарплату Саманта работала. Ей нравилось работать. Получать новые знания, общаться с людьми, быть социально-активной, а никак не домохозяйкой. Однажды она упала на работе в расплав металлов. Так не стало любимой жены. А затем не стало дочерей. Их сгубило разбушевавшееся проклятое солнце.

В то время как раз проводилось внедрение технологии клонирования, но Аль Ахруб наотрез отказался от выращивания «новой Саманты и новых дочерей». А у нотариуса оказался подписанным отказной лист Саманты. Но камнем преткновения все же стала не материальная, а морально-этическая сторона вопроса. Генерал имел консервативные взгляды и считал, что жизнь дана, чтобы прожить один раз и нельзя нарушать законы природы. Клонирование он считал злом. Смерть он считал естественным процессом, как бы больно не было.

Это личное горе никого кроме него не касалось. Генерал переживал, переваривал в себе как мог и умел.

– Всё в порядке, бурю прошли. Происшествий не было. Ведите по лучу, – мысленно произнес Харрис.

Прошло около полуминуты. Ответа всё ещё не было. Марк не выдержал.

– Башня, башня, почему не отвечаете, приём?!

Наконец в голову Харриса поступили мысленные фразы.

– Сэр, мы прослушиваем аппарат. По нашим данным, кроме вас и второго пилота, на борту должны находиться ещё четыре человека. Среди них профессор Небраско. Сэр, почему не слышны биоритмы этих людей и второго пилота?

– Башня, всё нормально, забыл предупредить. Я включил между кабиной и салоном защитное поле. Вы же в курсе, что правительство требует экранирования переговоров пилотов. Так вот мы со вторым пилотом разговаривали, и я после этого видимо забыл убрать барьер. А напарник, так он в салоне. Надеюсь, всё доходчиво объяснил, башня?

– Вполне, сэр. Отключите защитное поле. Нам необходимо просканировать машину и всех пассажиров, – голос связиста показался Марку чересчур сухим и раздражённым.

– Нет проблем, сержант. Но это займёт порядка десяти – двенадцати секунд.

– Хорошо, башня ждёт.

Харрис мгновенно отключил вариатор мыслесвязи, закричал в салон, чтобы все одновременно одевали на мочки ушей, заготовленные заранее нейродатчики. На счёт три командир дал команду надевать. Харрис вновь щёлкнул тумблером.

– Сержант, экран отключён. Пилота я вызвал в кабину.

Наступило молчаливое ожидание. Затем связь снова ожила.

– Всё, можете продолжать путь. Генерал ожидает профессора Небраско, – сообщил сержант.

Харрис в третий раз щёлкнул тумблером связи, облегчённо вздохнул и с усердием взялся за рулевой рычаг.

Рэнди заглянул на секунду в кабину, что-то невнятное буркнул Марку и пошёл обратно в салон получать у инструкции.

Ник, не глядя на остальную часть группы, снял с уха нейродатчик и почти шёпотом произнёс:

– Тэд, ты надевай комбинезон и маску инженера, я буду играть роль профессора, а Тотти с Джереми по форме «Тигр» будут нас охранять – старший выдохнул, выпуская ещё одну решённую задачу в воздух, – Рэнди, передай Марку, чтобы был готов взлетать, как только мы

будем на борту. Ты поглядывай, чтоб никто не «нюхался» около дека во время нашего отсутствия.

Вся команда одновременно принялась за выполнение указаний. До базы оставалось пятнадцать километров вниз по ущелью и примерно восемьдесят по плоскогорью. Позади в ущелье остались настоящие пассажиры и трое товарищей, которые должны были собрать буревую машину и приготовить к полёту орбитал сопротивления.

Никита, то есть профессор Небраско немного задремал. Сознание резко бросило. Он оказался в гигаполисе Токио. Это был сон-воспоминание из его юности. Он стоял посреди большой комнаты и держал в руке таблетку сизого цвета. Картинка поблекла, проступила новая. Вот они с отцом в порту. Снова туман. Ник дёрнулся во сне и открыл глаза.

– Что-нибудь страшное приснилось, шеф? – спросил Тотти.

– Да так, юность. Чёрт, Моризо, мне приснился препарат молодости. Нам ведь уже нужно его принимать. Чёртово правительство и руководители. Меня уже раздражают наши лидеры, они забирают те крупницы препарата, что удаётся взять при атаках на гигасы себе, а мы продолжаем стареть.

– Ничего, скоро всё изменится, власти выдадут движению всё, что попросим, только вот выполним задание.

– Да... Тотти. А мне приснился родной гигас.

– В смысле, Токио?

– Да. Огромная спиралевидная конструкция, гигантский живой организм, мой дом. Приснился реактор, куда нас водили на экскурсию, все его бесконечные улицы, завитки кварталов. Этот гигаполис был когда-то признан лучшим проектом. Не изменяя конструкции и не принося архитектурные изменения в облик там можно было пристраивать новые модули, удлиняя спираль. Когда мне стукнуло двадцать, там проживало двадцать пять миллионов человек, а сейчас судя по данным разведки от силы четыре. Я часто вспоминаю флеропорты, где постоянно околачивался. Бродил по ангарам и рабочим подземным помещениям. Мне очень нравилось смотреть за взлётами и посадками орбиталов, и флеромоновых аппаратов, а ещё древних вертолётчиков. Тотти, ты хоть раз видел вертолётчики старой конструкции, нет, а я видел и не один раз. Мне ещё приснился случай из электронного факультета, какой же ребёнок я тогда был. Однажды мне дали задание по проекционной механике. Вариоком попросил узнать параметры гигаса. Я даже удивился и спросил у инструктора, разве он не знает их. А он мне в ответ, что это мой экзамен. Потом мне даже интересно стало. Я взял тогда отцовский дроппер, каплевидный аппарат на электроприводе и отправился к рабочему торцу гигаса. Там монтировали новые корпуса и жилые модули. Достал лазерный дальномер и замерил основные параметры. Судя по показаниям дальномеров, эта гигантская змея, ну в смысле мой город имел в ширину тридцать метров в верхней части и около восьмидесяти в нижней жилой части. А у самой земли в рабочей зоне вообще больше ста. Высота рабочей зоны составляла примерно двадцать пять метров, а дальше к небу тянулись ряды квартир. Общая высота составила больше семисот восьмидесяти метров. Часть данных я взял из нейробибблиотеки конечно, а длину вычислил сам. Так представляешь, длина змеи оказалась более семисот шестидесяти километров. Мне даже стало страшно при мысли о размерах города. Вот бы растянуть по островам, всю эту конструкцию. Отец мне рассказывал, что с расстояния ста километров город был отчётливо виден и выглядел как длинная светло-синяя полоса. Я потом, когда уже стал пилотом, сам убедился в этом. А синеву гигасу придавали стеновые панели, сплошь укрывшие себя стеклами – тридалексами и фотоэлементами.

– Ник.

Старший прервался и посмотрел на Моризо.

– Ник, впереди база, мы уже близко. Очнись командир.

– Ладно, собирайтесь, – ответил он, громко зевнув при этом. Потянулся за шлемом от профессорского защитного костюма.

Дек подплывал на высоте тридцати метров к Урмии. На его пути выросла контрольная башня в форме иглы, со шпилькой в верхней части. Прямо за ней высился тёмно-синий купол, за которым уже угадывались очертания жилых комплексов, лабораторий, центрального охранного пункта и штаб-квартира. С центрального пульта пришло прошение о контакте.

– Говорит Урмия, просьба доложить по форме, – протрещал вариатор.

– Башня, говорит старший пилот, борт 112—1В, на борту 4 пассажира. Среди пассажиров профессор Небраско, прошу посадки, – выпалил Харрис.

– Транспорт, борт 112—1В, посадку подтверждаю.

Харрис отключил нейросвязь и восторженно закричал в салон:

– Операция начинается, командир!

Машина пошла на посадку у южной части купола. На аппарат пристально смотрели оптоволоконные глазки систем наведения стационарных лазеров. Моризо погрозил им сквозь иллюминатор кулаком. Стволы двенадцати излучателей – убийц провели дек до самой земли. Таковую машинку как дек они могли испепелить в одно мгновение, и они никогда не промахивались.

Аппарат, ведомый Харрисом, благополучно сел на флероплощадку и почти сразу со стороны купола к деку устремился рукав перехода. Он точно соединился с захватами двери и автомат намертво «приварил» дек к базе. Дверь машины открылась, в проёме показался профессор в сопровождении двух «тигров».

Небраско небрежно осмотрелся и зашагал размашистой походкой по переходу. За ним хладнокровно проследовали Тотти и Джереми. Практически сразу после их ухода из кабины вылез Тэд, облачённый в УФ – костюм и с видом профессионального механика начал осматривать корпус машины. Закончив эту, формальную для него процедуру, он забрался обратно в кабину и больше не показывался.

Когда профессор подошёл к концу перехода, дверная панель бесшумно исчезла в боковом углублении. Делегация оказалась в коридоре, посреди которого стояли два человека и о чём-то тихо беседовали. Одним из двоих был генерал, завидев профессора, прекративший разговор. Он выдвинулся, навстречу улыбаясь, ещё издали заметной измученной улыбкой. Обменявшись рукопожатиями и официальными приветствиями, все направились к двери в конце коридора. Чем дальше шла группа, тем медленнее шёл Никита.

Под маской профессора, в черепной коробке Никиты бешено вертелись мысли. Боль стучала в висках. Он всего пять секунд видел генерала, но уже был более чем уверен, что и раньше они встречались. А вот где, главный вспомнить, как не силился, не мог. Профессор заметил, что отстал от генерала метров на шесть и, обернувшись, увидел недоумевающие лица Моризо и Джереми. Пришлось ускорить шаг. В конце длинного высокого коридора они повернули направо и оказались в небольшом зале. Когда генерал открывал дверь, он произнёс несколько фраз. Этого оказалось достаточно, чтобы Никите стало ещё хуже. По его лицу, к счастью, спрятанному маской, покатались крупные капли пота, по спине забегали мурашки. Эти волнения не остались незамеченными.

– Сэр, что-то не так? – спросил профессионально поставленным голосом Тотти.

– Всё в порядке, солдат, просто живот прихватило, – выдавил из себя профессор и пошёл за генералом.

Делегация около получаса затратила на ознакомление с жилым комплексом, посетила столовую, административный корпус и, наконец, оказалась в лаборатории. Туда пришлось идти через казармы по коридору, плавно перешедшему в своеобразный балкон, откуда был прекрасный вид на спортивный зал службы охраны Урмии. Оттуда слышался смех и шутки тигровцев. Генерал провёл профессора мимо энергоблока базы. Наконец они были перед входом в лабо-

ратории. Вход представлял собой небольшой коридор, напичканный не одной сотней датчиков, вмонтированных в стены. Здесь шла тотальная проверка сотрудников и посетителей, все отклонения в здоровье и эмоциональном уровне докладывались непосредственно начальнику базы, генералу Аль Ахрубу. Получилось так, что удача не отвернулась от Никиты и в этот момент.

Прямо перед коридором генерал остановился и сказал очень вежливо.

– Я понимаю, что правила контроля для всех одинаковы, но было бы непростительно проверять такого уважаемого человека, как вы. Я дал сигнал на пульт, чтобы вам проверку не устраивали.

– О, благодарю вас генерал! Это честь для меня, – едва слышно произнёс Ник, стараясь взять своё волнение в руки.

Тотти подойдя к коридору, сразу заметил ленту индикатора. Условленным заранее жестом он привлёк внимание Джереми и шепнул ему, чтобы он вспомнил какой-нибудь анекдот, проходя через детекторы. Профессора Моризо никак не мог предупредить и, понадеявшись на удачу, пошёл следом за профессором. Стечение обстоятельств сыграло на руку движению сопротивления, бойцы которого проникли только что в одно из жизненно важных мест на планете.

В коридор хлынул жёлто-серый свет, шедший из нескольких, упрятанных в потолок, псилонов.

Они оказались на улице, спустились по гравизэскалатору на уровень почвы, покрытой полимером нежного розового цвета. Никите удалось к этому времени успокоиться и сосредоточиться на задаче. Он даже решился заговорить с Аль Ахрубом. Но профессиональные мысли в голову не шли и вопрос, который главный задал, был весьма неуместный.

– Генерал, я слышал, что вы жили когда-то в Токио. Это правда?

– Возможно профессор, это правда, но к чему такие вопросы? Вы же прилетели, чтобы осмотреть лабораторию и результаты работы наших учёных, а не обсуждать мою жизнь. Не так ли?

– Да, но как видите, я тоже человек, и мне не чуждо всё людское. Я лишь пытаюсь отвлечься от работы, она не даёт мне передышки. Где бы я ни был, дома, во флоропарке, в ней-роклубе, она преследует меня. Высасывает мои силы, пока я не падаю от усталости. Трудоголизм, знаете ли – опасная вещь. Ну да о чём я, так значит, вы жили в символе. Также я слышал, что у вас была замечательная семья. Они здесь, с вами?

Генерал метнул в профессора переполненный болезненными воспоминаниями взгляд.

– Они умерли. Если бы я не знал вас профессор, то подумал бы, что вы не тот за кого себя выдаёте. Вы меня удивляете. Обычно вы человек сдержанный и малообщительный. У меня действительно есть семья, я считаю, что есть.

– Да, это действительно не то, о чём можно болтать с каждым встречным, а я не самый лучший собеседник. Генерал, я приношу свои извинения по поводу моей бестактности. А как поживает наш общий друг, генерал Джон Стелли? – профессор Небраско внимательно посмотрел на генерала.

– Вы знаете Джона?! И про нашу дружбу. Хм. Профессор, вы меня сегодня не перестаете удивлять. Он все ещё надеется разыскать сына. Может вы, что-то знаете о судьбе парня? – генерал насторожился.

Главного передёрнуло, а после встречного вопроса генерала, Никиту пробрал озноб. Лоб вновь покрылся испариной, а маска ещё сильнее прилипла к лицу. Руки его дрожали, правое веко нервно начало подергиваться.

– Нет, что вы, просто интересно. Я мог бы попытаться найти его через знакомых. У меня большие связи. Генерал, а кто же тогда вы? Я восемь лет знаю вас как Аль Ахруба, но ваша внешность и прошлое не соответствуют имени.

– Вы правы, профессор. Настоящее моё имя Роберт, никто его уже и не помнит. После смерти жены и дочерей, я решил уехать подальше от Токио. Командование поставило задачу, руководство этой базой, благо языковой барьер на планете давно снят и границы тоже. И уже здесь, на берегу Тигра, на Ближнем Востоке, один человек назвал меня Ахрубом. Так я и зарегистрировался в посольстве. Таким меня знают на базе и в штаб-квартире в Багдаде, городе полумесяце.

– Нелёгкая у вас судьба, вижу. Зря я раньше был неразговорчивым, и не знал, что у друга печаль на сердце, а в душе немая тоска. Генерал, я приглашаю вас поехать с нами в Каир. Там у меня друзья, семья. Я попытаюсь исправить положение и вас заставлю улыбаться.

– Нет, моё место здесь. Это тихое, богом забытое место станет, пожалуй, моей могилой, – генерал ускорил шаг.

Небраско тоже заторопился.

Они дошли до первого корпуса. Центр этого строения похож был на древний дирижабль, низ которого терялся среди окружающих модулей. Верх был схож с башней древней военной машины – танка, со двоянным стволом, направленным в небо. Этот столб был ничем иным как десятиэтажным зданием, в котором сейчас заседал учёный совет. У самых дверей генерал остановился и, недовольно крикнув, спросил у профессора:

– Куда хотите пойти в первую очередь? В лабораторию или на заседание? Я знаю, что мне запрещено об этом говорить, а у вас нет права выбора, но всё-таки я разрешаю вам по старой дружбе выбирать.

Такого шанса Никита не мог упустить. Его цель сама приближалась к нему.

– Меня ждут на совете учёных. Я не очень его жалею, и вообще там мне не нравится. Я хотел бы посмотреть новые образцы варгенов, то есть мне нужно прямо в лаборатории, – уверенно произнёс главный.

Прямо от здания Совета, не заходя даже в холл, они направились к двум полусферам, прятавшим внутри себя генные лаборатории. На внешней поверхности полусфер приветливо мерцали желтые огоньки.

Между лабораториями на высоте двенадцати – пятнадцати метров, по специальному переходу-трубе сновали ассистенты, техники и прочие причастные к экспериментам.

Генерал уже поднимался по гравизэскалатору к центральному пульту охраны, когда профессор, насмотревшись на жёлтые огоньки, оглянулся. Он мгновенно сообразил, что опять отстал и прибавил шаг. Небраско догнал генерала, когда тот набирал мыслекод к нейростражу. Они вошли. В вестибюле их встретили два тигровца, в чёрных костюмах со смешным оранжевым отблеском. Солдаты, молча, отсалютовали старшему по званию. И тут произошло, то с чего начались неприятности Ника, а также всех его окружающих.

– Профессор, вы меня сегодня сильно беспокоите. Такое ощущение, будто на базе вы в первый раз. Я заметил, что вы долго рассматривали датчики генеральной обстановки. Вы же знаете, что они следят за состоянием среды внутри купола. Я думаю, что не нужно нам идти сегодня в лабораторию, вам явно нездоровится, – заявил аль Ахруб.

– Ну, что вы, генерал. Я знаю, что жёлтые точки следят за тем, чтоб результаты работы лаборатории не попали в воздух, но я всю жизнь увлекался генетикой. Сегодня вдруг понял, что ничего не смыслю в машинах и в электронике. Пусть причуда, но у меня никогда не хватало времени, чтобы даже рассмотреть механизмы, которые окружают меня. Я даже не знаю, как работает мой нейромедсканер. Машины, моё слабое место. Извините меня генерал, что позволил вам ломать свои жизненные принципы.

– Ничего, мне это знакомо. Вот я работаю здесь, казалось бы начальник. Всё обо всём знаю, но я здесь раб, а генетика, да и вся научная деятельность для меня как тысячекилометровый горный пик, на который я должен взобраться. И безо всяких инструментов. Я болею только оружием. Вот когда-то я работал на станции передачи видеоматериалов по нейрокана-

лам в смотровые залы. Что случилось с тем временем! – громче обычного произнёс Аль Ахруб последнюю фразу и остановился посреди коридора.

– Идёмте же, генерал! Мне любопытно взглянуть на результаты опытов.

Они прошли к лифтовым дверям. Сделав два шага, оказались в зале с потолком полу-сферой. В зале царил тишина. По всему периметру было множество дверей.

– Сюда, профессор! – воскликнул Аль Ахруб и устремился к самой дальней двери, – в лаборатории сейчас по моим данным находится только профессор Мэри Остин. Она хороший человек и большой специалист в генетике. Впрочем, ей до вас далеко. Думаю, вы найдёте общий язык и прекрасно работаетесь. Ещё пара коридоров и мы на месте.

– Генерал, а как с нашей охраной во время работы? Не хотелось бы во время эксперимента увидеть злорадствующее лицо террориста. Я знаю, что в прошлом году они взорвали два трансконтинентальных нейротранслятора. Это теоретически невозможно, они охранялись полками тигровцев. Их вылазки не обходятся без жертв. За последний год были убиты пятьсот тысяч «тигров», девяносто два учёных и два мэра мегаполисов. И это только по версии нейровестника, – проговорил притворно тревожным голосом отступник.

Слова Ника подхватил и сам генерал:

– И не говорите. На Земле хаос. С тех пор как законопослушные граждане переселились в УФ – полисы, террористы не раз устраивали переполох, но такого ещё не было. Каждый день, каждую ночь гибнут люди. По-сути элита общества. Здоровые, умные парни и девушки. В то время как общество стареет, и численность его сокращается, гибнут тридцатилетние мужчины и женщины. Профессор за последние десять лет на планете погибло больше миллиона бойцов спецподразделений ООН, безо всякой войны, ведь боевых действий официально нет. Мир. Смех, и боль. И всё из-за... слепой власти. Единственное, что сейчас могу сказать, что вы в безопасности.

Пока генерал говорил, Никита рассчитывал варианты дальнейшего развития событий. По плану, они должны были прибыть на Урмию во время обеденного перерыва и все, включая обслуживающий персонал должны быть в своих жилых модулях. А теперь выясняется, что сотрудники все на работе, охрана в режиме экстренного вызова, и даже в самой лаборатории находится лишний человек. Необходимо было корректировать действия группы.

– Уже пришли, – услышал Никита слева и, повернувшись, увидел генерала прошедшего через проём в стене на балкон, с которого была видна сверху, с высоты восьми метров экспериментальная площадка. К балкону с одной была пристроена лестница, а с другой блок-камера с панелями управления и регистрирующими приборами. Среди всего этого научного оборудования стояла молодая девушка, к которой генерал обратился, как к профессору Мэри Остин.

Ник чуть не прыснул со смеху, но удержался и подошёл к собеседникам. «Эта профессорша настолько юна, поразительно» – подумал отступник.

– Представляю вам нашего выдающегося учёного-генетика, мисс Остин. Она будет помогать вам, профессор проводить анализ исследований. Наверно вам важно поговорить на общие темы, так что я посижу где-нибудь здесь, и не буду мешать.

Аль Ахруб отошёл к прозрачной смотровой панели и сел на выдвинувшийся компакт-сет.

Никун предстояло выяснить многое, и он принялся за осуществление цели.

– Мэри, ничего если я буду обращаться к вам по имени? – обратился боец к девушке.

– Да, конечно профессор Небраско. Я много слышана о ваших проектах. Рада буду работать под вашим руководством, – ответила она непринуждённо.

– Называйте меня просто Небраско. Не люблю условностей.

– Небраско, послушайте, не знаю, что там происходит в мире. Уже три года работаю здесь безвылазно, сами знаете, режим секретности. Отбор был среди одиноких. У нас здесь такое творится. Это приведёт когда-нибудь к сумасшедшей по масштабу катастрофе. Сейчас на Урмии закончены разработки таких варгенов, что ста двадцати тонн таких малюток хватит,

чтобы убить всех людей на планете. По-моему это уж слишком. Испугать это ладно, но угроза человечеству. Ведь с нашим гарнизоном в тысячу бойцов и двенадцатью стационарными излучателями мы не способны обеспечить сохранность варгенов. Это страшное оружие. А Урмия не настолько секретна.

Даже Ника испугала её фраза «Угроза человечеству». Испугать это ладно, но применить... А если руководители движения...»

Он невольно задёргал головой. Пробежала мысль «Что же он здесь делает? Зачем вся эта операция?»

– Не волнуйтесь, база закрывается. Лучше расскажите Мэри, над чем именно вы работали в последнее время?

– В этой лаборатории на данный момент работы приостановлены. Ждали вас и комиссии, чтобы показать результаты. Возможно, варгены необходимо уничтожить и все материалы, связанные с ними. Профессор, это моё личное мнение. Они слишком опасны. Почти все этносы потенциального противника изучены. Только не говорите моих слов генералу... Здесь разработан патоген лм1031сайс, он поражает за четыре дня все генотипы жителей северного континента Америки. Вы же знаете, за три с лишним века, там такие помеси появились. Два года мы трудились над устрашением наших главных врагов и добились своего. Правда примерно три тысячных процента останутся живыми в случае применения патогенов, но это не наша оплошность, просто уровень технологий не позволяет вычислить их ДНК порядок.

– Не спешите. Вы в курсе истинной цели моего приезда? Недавно был подписан договор о разоружении. Об этом позже. Сколько этого варгена здесь?

– В лаборатории находится тринадцать культур. Вот в этих цилиндрах вдоль стен около тринадцати тонн лм1031сайс. В соседнем помещении идут работы над лм3096саа, он способен за три дня опустошить Великий Китай и Японию. Через полгода, думаю, весь Индонезийский Картель можно будет опустошить. Как всё это страшно. Но это правда. Вот я и говорю, уничтожить все варгены и забыть о них.

– Да, сильно сказано. Но так примерно и будет. Послушайте, а как насчёт их транспортировки с базы и до точки атаки?

– Здесь у нас атмосферные лифты, а дальше на орбиталах до линии фронта. Ну а там уже дело военных. Профессор, это не моё дело, и не ваше. Почему вы заговорили о транспортировке?

Никита встрепенулся. Информация была добыта очень быстро и очень полноценно. Главный дал знак Моризо.

Тогги подскочил к генералу и захватом усадил его на колени на пол.

В это время Джереми надел на Аль Ахруба прибор, не дающий тому передать нейросигнал тревоги.

Никита со скоростью молнии вытащил из набедренного кармана аналогичный прибор и прицепил его на шею Мэри.

Джереми и Тогги держали под прицелом ЭМР пистолетов генерала и девушку, а Ник начал говорить.

– Я понимаю, что ситуация сложилась непростая. Мы представляем освободительное движение Земли. Мы и есть террористы, которые ежегодно убивают тысячи ваших спецназовцев, но мы люди, которые лишь хотят планете мира и полной свободы людей. Вы счастливы, что у вас в голове нейрочип, нет, не думаю. На данный момент, я думаю, мы наиболее близки к осуществлению своей миссии. Вам же не советую мешать, я знаю, что более семидесяти процентов населения непосредственно поддерживают нас и ещё двенадцать лояльны. Если не будете оказывать сопротивления нашим действиям, то вы и все остальные на базе останутся живы.

Заговорил генерал, пытаясь справиться с эмоциями из-за происшедшего.

– Это поразительно, как легко вы проникли сюда. Вы прошли все уровни охраны, а я ещё попросил не сканировать вас, профессор. Хотя какой вы циник! Не смейте называться больше профессором Небраско! Что вы сделали с моим другом?! – смолкнув на мгновение, он продолжил, – Ваши помощники, опытные люди, раз прошли проверку.

– Помолчите, генерал. Настоящие пассажиры остались в ста километрах к северу, у них есть защитные костюмы, только вот одному из спецназовцев не повезло. Он слишком быстро очнулся от глушилки и был убит. Другого бойца не ищите, он с нами.

– Мне кажется, что вы никого не собираетесь убивать? Тогда, что вам здесь нужно?! По сути это военная база, – страшная правда потихоньку прояснялась генералу.

– Им нужно оружие. Им нужны варгены, что тут непонятного! – закричала Мэри, – О боже, не делайте этого!

– Вы правы, нам нужны боевые патогены. Мы пытались втолковать правительствам, что нейро, не путь развития и контроля над обществом. Нас не слушали и за нами вдобавок охотились, как за чумными собаками. Теперь никто не станет преследовать движение. Многие, нет, все согласятся на наши условия. Это полное отсутствие нейрокомпьютеров и реабилитация бойцов сопротивления, – Никита проговорил это жёстко, твёрдо веря в правоту и силу своих слов, будто выступая в генеральной ассамблее.

– Власти не станут вас слушать. Вас просто уничтожат! – заорал генерал.

– Это неправда. Мало кому захочется испытать на себе варгенов, – хладнокровно ответил Ник, хотя у самого кровь застыла в жилах от своих слов.

– Вы блефуете, – произнёс надломленным голосом аль Ахруб.

– Нет, абсолютно точно отдаю отчёт своим словам. Если нас вынудят, то мы сдержим слово.

Никита внезапно понял, что заговорился и пора приступать к следующему этапу операции.

– Генерал, мне нужен доступ к главному нейротранслятору и центральному пульту управления базой, а также системой безопасности.

– Никогда! Я не предаю устава и клятвы, – генерал зло плюнул на пол.

Аль Ахруб вскочил и попытался снять с шеи нейроблокиратор. В подбородок ему упёрся ствол излучателя. В глазах Тотти читалась ненависть к военному. Он готов был снова, второй раз за сутки применить оружие.

К Моризо подскочил Ник и знаком приказал опустить излучатель.

– Это друг моего отца, Тотти. Это мой крестный, – шёпотом произнёс главный.

– Охренеть. Теперь понимаю, почему ты странно себя ведешь сегодня. Я уж думал, что вся операция сорвана, – Тигровец опустил ствол пистолета.

Ник вновь обратился к пленникам.

– Генерал, было неразумно это делать. Все останутся живые, и это зависит от вас и вашей доброй воли. Иначе все на Урмии будут мертвы уже через пять секунд после сигнала тревоги. Мой человек загонит по уровню земли и купола базы пару изолит-снарядов.

– Вы же тоже погибнете?! – изумлённо пролепетал генерал.

– Мы всего-навсего рядовые бойцы. Дело продолжают другие, и их будет гораздо больше. У движения есть руководящие, всё решают они. Теперь вы готовы с нами сотрудничать?

– Возможно. Я попаду за это под трибунал, но я обязан спасти весь персонал базы. Иначе себя человеком считать перестану. Что я должен сделать?

– Сейчас вам снимут нейроблокиратор, и вы передадите сообщение. Скажете, что произошёл раскол купола. Пусть все люди спустятся в УФ – бункер. Пусть возьмут запасы, рассчитанные до прибытия спасателей. И не смейте давать разрешение на связь с гигасами и военными объектами, – Никита повернулся к Остин, – Вы, Мэри пойдёте с нами. Вас и генерала мы отпустим позже. Считайте, что сегодня встали не с той ноги, что ли.

Командир замолчал. Воцарилась мёртвая тишина. Моризо заметно нервничал. У Мэри была беззвучная истерика. Ник был как никогда спокоен.

– Идёмте. Мэри идите. И не бойтесь так. Скоро мы исчезнем, и начнётся ваша обыденная жизнь.

– Генерал, мы ждём вас в коридоре, – главный указал в сторону дверей и вышел.

Как и час, назад коридоры были пусты. Генерал появился минут через семь и впятером они двинулись к вестибюлю.

Открыв двери, бойцы и заложники вышли на улицу. Короткими перебежками Тотти добрался до стен казарм. Затем все кроме Джереми побежали к Тотти. Последним прибежал Стафф и все пятеро отступников направились в казарменные помещения к центральному пульту управления.

Никите за каждым поворотом начали мерещиться «тигровцы» из службы безопасности Урмии. Ему казалось, что нужно было ждать попытку их уничтожения и освобождения заложников.

Поднявшись по эскалатору, они вышли на знакомую террасу. Двери в служебные помещения были открыты, а там где в прошлый раз была стена, теперь зияло отверстие от пола до потолка. Тотти немедленно направился туда и оказался в ромбовидной комнате с тремя дверьми. Подошёл генерал, указав на одну из дверей, тихо произнёс:

– Там зал управления и главный центр. Пока ещё не знаю, как, но думаю, что вас поймают.

Люди Ника пропустили фразу аль Ахруба мимо ушей и двинулись дальше. Последней плелась Мэри Остин. Слёзы засохли на её щеках. Она судорожно сглатывала. Казалось её даже начало знобить от пережитого, страх читался в её глазах.

Только никому дела не было до её чувств. Все шли вперёд. Тихо. Осторожно.

Впереди оказался длинный коридор. В нём слабо мерцали с десятков ионных трубок. От них почти не было света. Спецназовцы нацелились на светящуюся точку вдалеке.

Примерно половину коридора они преодолели. В этот момент из скрытых темнотой проёмов в стенах выпрыгнули два человека. Один из них накинул монополимерную нить Нику на шею. Отступник успел перехватить нить ещё в воздухе и пытался не дать ей коснуться своей шеи. Раздался громкий шипящий звук и почти полную черноту коридора прорезали два серебристых луча. Наступила тишина.

Лишь стон Никиты нарушил пустоту.

Стелли сидел на коленях и пытался сжать левый кулак. Поперёк ладони зияла глубокая рана с ровными краями. С краёв ладони из глубины свисали две нити со специальными захватами. Тотти резко выдернул нить из кисти и закрепил на руку командира диск фармауниверсала. Круглый диск крохотными присосками прилип к тыльной стороне руки, из центра выскочили две иглы. Одна из них впрыснула обезболивающий препарат в организм, другая начала излучать волны. Началась регенерация тканей.

– Командир, ты не волнуйся, дня через четыре и дактилоскоп не обнаружит следов травмы, – пошутил Джереми.

Командир немного пришёл в чувство.

– Генерал, немедленно выйдите на вашу волну! Уже двое погибли, вы хотите ещё жертв?!

– Я сделал всё, что мог, теперь они мне неподвластны. Я не отвечаю за действия групп госбезопасности.

Они двинулись дальше и до зала управления добрались без приключений.

Зал представлял собой три полусферы сращенные между собой. Пол представлял собой огромный овал, покрытый серым шершавым материалом. Кругом стояли столы с пультами и голографмографами. Чертыхнувшись на всё это безумное количество оборудования, Ник обратился к генералу.

– Мне нужны пульта нейросвязи и системы стационарных излучателей, – произнёс неторопливо он, присаживаясь на один из многочисленных стадрсетов.

Аль Ахруб направился к ближайшему пульта.

– Все операции можно осуществлять с любого терминала. Необходимо лишь иметь в голове данные доступа. Я впрочем, всё знаю, – заявил военный.

– Вводите код и поскорей.

– Я вынужден просить вас отвернуться, – вдруг почти шёпотом проговорил генерал.

– Это конечно смешно в данных обстоятельствах, но я выполню вашу просьбу. Надеюсь, вы не станете выкидывать фокусы?! Я сомневаюсь, что вы решитесь губить своих людей.

– Можете работать. Как же мне вас называть, террорист? – заговорил генерал спустя пару минут.

– Подождите ещё немного, я сниму маску и представлюсь, – немного нервничая, ответил Ник.

Командир стал проворно нажимать надписи, словно парящие в воздухе. Отступник отключил все каналы связи бункера Урмии с миром, вывел из строя лазеры и закрыл смотровые окна сторожевых башен.

Обратившись к генералу за помощью, Ник нашёл передатчик. Активировав его, он передал открытым текстом сообщение на орбитал.

– Отступник, Логану. Задача 1 завершена. Группа в норме. Все варгены обнаружены. Высылайте клоддеры. Прошу два защитных костюма. У нас вынужденное пополнение. У одного из пленников тяжёлый случай. Приготовьте инструменты для немедленной процедуры денеирозации.

Ник выключил передатчик и обернулся к генералу.

– Генерал, передайте пятнадцатиминутную готовность открыть створки купола. Я не буду терпеть задержек. И лучше бы больше никто из ваших людей не решался препятствовать нам.

Прошло всего четверть часа, а купол защиты был уже убран. Тотти стоял возле коридорного проёма и внимательно вслушивался в тишину, но, судя по его гримасе, боец начал волноваться. Ожидание затянулось, даже Ник заметно занервничал.

Прошло ещё семь минут, когда с северо-востока послышался нарастающий ежесекундно рев двигателей. Грохот нарастал, пока над базой не зависли четыре машины, больше напоминающие математически ровные кубы с гранью в сорок метров. Когда-то клоддеры предполагалось использовать для десантных групп. Они были способны перевозить более пяти тысяч бойцов за рейс. В то же время началось массовое переселение в гигаполисы, и клоддеры в числе многих других машин и вещей остались в старых городах и на военных базах. Отступники позже воспользовались всем брошенным и не уничтоженным имуществом. Власти ликвидировали большинство старых военных складов и баз, но некоторые остались. Осталось и почти двести клоддеров. Теперь больше сотни их служили движению как грузовые варианты, лишённые палуб и лишних перемычек. Инженерам из числа бойцов сопротивления пришлось немало повозиться, чтобы закрепить антигравы под потолком нижней палубы и превратить машины в грузовики, легко перевозящие две тысячи тонн.

В зале управления стояла гробовая тишина, когда неожиданно затрещал передатчик. Джереми и Тотти встрепнулись. После серии помех, из ретранслятора немного хрипло, зазвучал знакомый уже лет семь Нику голос.

– Привет, Стелли. Говорит Сирдар. Мы готовы к погрузке, куда нам корабли вести?

Генерал, сидевший неподалёку, услышав всё это, вскочил. Взглянув с яростью на Никиту, он воскликнул:

– Кого этот преступник назвал Стелли?! Как террорист смеет при мне упоминать великого генерала?! – возмущённым тоном произнёс он.

– Он сказал это мне, Роберт. Я тоже Стелли, – Никита стянул с лица маску, – Здравствуй, крестный.

Генерал Аль Ахруб, не понимая, что происходит, пораженно смотрел на Никиту.

– Это ты, Никита?! О, черт! Не может быть?! Джон ищет тебя много лет. Он знает, что ты жив. А я теперь вижу тебя... среди террористов. Как?

– Роберт, так уж получилось. Мне предписано судьбой, бороться за свободу. Я слышал...

– Твоя мать умерла, Ник, – Аль Ахруб сложил руки на груди, отвернулся от отступника и замер.

Воцарилось гробовое молчание. К Никите подошел Моризо и положил командиру руку на плечо. Отступник стряхнул руку и подошел к пульту связи. Сглотнул комок подступивших к горлу слез и включил передатчик.

– Сирдар Логан, говорит Ник Стелли. Я руковожу операцией от имени движения. Готов продолжить работу. Необходимо, чтобы ваши корабли подошли к двум параллельно стоящим овальным зданиям.

Возникла секундная пауза, и снова зазвучал голос пилота.

– Хорошо, дайте нам три минуты для маневрирования.

Клоддеры пошли к лабораториям на самом тихом ходу, какой только могли позволить их газоплазменные двигатели. Один за другим они зависали над раскрытыми створками крыш лабораторий. Ник корректировал положение машин, а Логан и другие командиры экипажей по команде старшего отступника включали антигравы. Через два часа все цистерны-контейнеры с варгенами оказались внутри клоддеров.

Стелли дал Логану указание возвращаться, а сам, включив сигнал тревоги, направился к остальным.

Тотти сообщил ему, что все эджи, находящиеся на базе, выведены из строя. Аль Ахруб и Остин к этому моменту надели защитные костюмы.

Никита немедленно передал через Тотти разрешение Марку на взлёт, а сам уселся напротив крестного.

В салоне дека стало немного теснее. Прибавились ещё два пассажира, да ещё и в защитных скафандрах.

Аль Ахруб сидел и отрешённо смотрел на Стелли – младшего.

Ник невольно вздрогнул от голоса Роберта.

– Я не обвиняю тебя, но и не одобряю твоего дела, Никитос. Когда наша семья была вся жива, я дорожил тобой больше всего в этом грешном мире. Я и твой отец хотели воспитать из тебя лучшего, может это и так, просто я не вижу этого. Ты рос слишком самостоятельным. От тебя невозможно было что-то утаить, но одного и ты не знаешь по сей день. Это глупость, все про неё забыли, но не твой отец. Твой двоюродный дед по материнской линии был террористом. Он собственноручно убил более двух тысяч человек, а потом его посадили на электрический стул. Твоему отцу долго не разрешали жениться на Александре из-за связей её семьи с террористами. Твоя мама не хотела тебе рассказывать об этом, а теперь видишь, корни дают о себе знать. Я не пугаю тебя виселицей, да и ты не должен думать о наказании. Одно скажу, ты должен бояться себя, как бы не потерять душу, не загубить в себе то, человеческое, что вложили в тебя твои родители, – генерал сглотнул, но не сменил тему, – после твоего исчезновения ей сразу стало хуже. Джон не думал, что так мало значит для неё. Ты исчез, а она не смогла без тебя жить. Мне сейчас интересно одно, что дальше будет?

Сухо, выдавливая каждое слово, заговорил Ник.

– С помощью варгенов мы станем шантажировать правительство. Они уберут нейроконтроль и люди вновь обретут свободу.

На лице Роберта проскользнула едва заметная ироничная усмешка.

– Нет, этого никогда не будет, поверь мне. Исчезнут нейрокомпьютеры, исчезнет причина сопротивления, уйдёт большинство бойцов вашего движения. Что будет дальше? Что станут делать руководители? Фанаты и идейные вдохновители? Всё рухнет, они останутся без дела. Без власти, без этого страшного недуга – чувства превосходства! Веками люди придумывали религии, различные партии и правительства, разжигали войны для раскола стран, разделения народов. Все это для получения власти. И ты думаешь, они тоже вернуться к мирной жизни, Никита?! Откажутся от власти?

– Они тоже вернуться к мирной жизни..., – прошептал Стелли-младший.

Глава 3

Однажды отец летал со мной к другим моногородам. Он цинично ухмылялся и говорил. «Смотри, сын! Очередное достижение человечества, очередное средство отгородиться от природы,

ослепнуть от собственных разрушительных действий. Интересно выглядит. Вот ты ведь дома не взрываешь кухню, не выкидываешь диваны из окна. И все так. Так почему же в

большом доме, под названием Земля, мы позволяем себе такое?! Взрывать, бурить, копать, захламлять, отравлять. Задумайся

над этим. И знай это всегда. Будь выше этого. Постарайся соблюдать истинные заповеди из религий и будь аскетом.
Аскет

не имеет много и не живет, словом хочу, а обходится малым. И не позволяет этой безудержной гонке мирового производства хлама взять себя в свои цепкие, липкие, дурнопахнущие ручки».

Личный вариоком Никиты Стелли. 12 августа 2040 г.

Садилось солнце. Его красноватый диск закрыл полнеба. Земля, проносившаяся под деком, имела кроваво-красный оттенок. Они подлетали к условленному месту в горах.

В салоне все кроме главного давно спали. Мэри вкололи транквилизатор, поэтому девушке тоже удалось спрятаться в мире снов от проблем реальности. Никита устало поворачивал шею, затекшую от неудобной позы.

Он сидел и думал, думал обо всём сразу. О себе, о движении, о руководителях, о варгенах, об отце, о матери, о Земле. Мысли носились хаотично, все перемешалось в одночасье. Почему-то слова крестного вдруг задели его, разбудили что-то, что дремало в нем давно.

Он не верил словам Роберта, а хотел верить, как верил ему всю свою жизнь. Его мать сейчас покоилась в колумбарии в гигаполисе Токио, его любовь пропала где-то, скорее всего власти давно её ликвидировали, а он был обычным террористом в глазах общества.

Машину слегка тряхнуло.

Харрис поднял дек из ущелья на поверхность плоскогорья и понёсся со всей возможной скоростью к кораблю, очертания которого начали всё четче проявляться даже в быстро сгущавшихся сумерках. Дек остановил свой ход лишь, когда оказался в трюме «Вултура», огромного орбитала. Сейчас, когда на Земле преобладали три международных языка, мало кто знал, что значит «Вултур». Это Ник вычитал название «Коршун» когда увлекался устаревшим английским.

«Коршун» и ещё два аналогичных ему по конструкции стратобастиона – орбитала отступники захватили во время нападения на военно-космический комплекс в Северной Америке. Тогда в ходе операции погибло около восьми с половиной тысяч бойцов движения.

Все цели движения достигались реками крови и, несмотря на это появлялись всё новые добровольцы. Сейчас Ник вновь задумался. Думал он о бесчисленных жертвах.

«Во имя чего...» – на этой незаконченной мысли, застрявшей глубоко под черепной коробкой, он вылез из дека.

В трюме уже стояли все клоддеры принимавшие участие в операции, между ними сновали механики. К деку подбежал Сирдар Логан.

– Что вы так долго, Стелли? – обеспокоенно спросил он.

– Не волнуйся, всё идёт отлично. В дороге случилась небольшая поломка, – ответил на ходу командир и пошёл дальше. Он направился в центр управления, так как был одним

из пяти пилотов орбитала. После всей проделанной работы ему предстояло ещё и вести орбитал на базу движения.

Его согревала надежда, и она же давала силы, что власти теперь отключат нейро и он, как и многие другие бойцы вернётся домой. Он вернётся к отцу в Токио.

«К черту все это движение! К черту, всех! Нет, я уйду немедленно!» – злая мысль пронеслась в голове.

Было около 11.00 по местному времени. Утро, однако, даже в мечтах не предвиделось. На базе движения не существовало окон. Под землёй и время никто толком не знал, да и не следили за ним. Но Ник чувствовал утро нутром. Он проснулся и, вскочив, быстро подбежал к внутреннему коммутатору.

Здесь, вдали от мира нейро все пользовались устаревшими приборами, вещами, в том числе аппаратами связи.

На связи оказался один из координаторов вчерашней операции, Пол Граннер. На вмонтированном в стену дисплее Никита увидел его хмурое лицо.

– Привет Пол. Вчера мы провернули хорошенькое дельце, – зевнув, промычал отступник.

– Помолчи, Стелли! – раздражённо ответил координатор.

– Что-то случилось? Разве ты не рад, что движение стремится к главной своей цели. Да, я вижу ты не рад. Почему, Пол?

– Зачем ты притащил их с собой? – голос выдал какую-то жалость, даже соболезнование.

– Кого ты имеешь в виду. А, генерала и девушку-учёного! Ничего в этом плохого не вижу, – воскликнул отступник.

– Может быть, ты не видишь, но руководители видят! Они очень недовольны твоим поступком. Завтра состоится заседание исполнительного совета.

– Где генерал!? Граннер, где генерал? – Ник забеспокоился, сердце забило сильнее.

– Не знаю. Скорее всего, его с профессоршей отправили в тюремный сектор. Я слышал от Тотти, что аль Ахруб твой крестный. Сожалею, но ты сам виноват.

У Никиты заиграли желваки на скулах. Адреналин хлынул в кровь. Он побежал в сторону тюремного сектора.

К крестному его не пустили, и он бессмысленно слонялся весь день по базе. К нему мало кто подходил, большинство сторонилось. Все уже знали о его ошибке.

Вечером, сидя у себя в модуле, Ник вспомнил, что говорил ему Роберт о руководителях. Теперь ему вдруг показалось, что всё сказанное генералом, это правда. За все годы он впервые усомнился в истинных целях движения. Возможно, руководители ещё хуже, чем их описал Джон.

Мысли путались. Он не мог понять, что делать. И это в то время, когда он решил покинуть движение. В какой-то миг Никита решил даже захватить «Вултур» и бежать с базы, но эта мысль потухла также быстро, как и возникла.

Было около четырёх утра, когда Стелли – младшего всё же сморил сон. Он свалился без сил и, не успев даже глаза закрыть, погрузился в сон. Ему снились одни сплошные кошмары. Он бредил, а в половине восьмого за ним пришли.

Два бойца из спецподразделения службы безопасности базы шли рядом со Стелли. Они не решались взять его за руки, ни одеть ему магнит – браслеты. Несмотря на промах на задании, Никиту на базе не перестали уважать. И сейчас это выражалось наиболее ярко. Ник шёл, упёршись взглядом в пол, размышлял над своим будущим.

В главном центре уже заседал исполнительный совет. Зал был полностью занят. Уже на входе Ник увидел многих своих друзей, знакомых и сослуживцев. Большинство в зале при

его приближении вставали. Так люди отдавали честь его заслугам и опыту. После этого Стелли явственно почувствовал, что в этот день произойдет что-то судьбоносное. Справа от совета, в камерах из стрека сидели крестный отец Ника, и Мери Остин.

Роберт и Никита встретились взглядами, и в глазах крестного Стелли прочитал «Все будет хорошо». От этого взгляда главному стало намного легче, он почувствовал прилив сил.

Учёный-генетик сидела с потухшим взором и бессмысленно водила руками по краю своего компакт – сета. Складывалось впечатление, что разум навсегда покинул эту девушку.

Ника в отличие от генерала и учёного посадили на стадрсет, прямо перед советом.

После представления судей, совет приступил к слушаниям. Стелли – младшему огласили его права, и старший судья Ян Ван ден Град начал зачитывать список обвинений, выдвинутых руководителями против капитана Стелли.

– Никита Стелли, капитан, командир третьего элитного отряда, вы обвиняетесь в умышленной задержке операции «Варген», частичном её срыве и невыполнении устава движения. Первые два обвинения после рассмотрения всех обстоятельств операции и опроса очевидцев, остальных бойцов-участников операции, с вас снимаются. Остаётся последнее. До совета дошли сведения о том, что пленный генерал Аль Ахруб, его настоящее имя Роберт Хуарес, ваш крестный отец.

В зале раздались свист и одиночные возгласы презрения.

Судье пришлось включить электроразрядник. Небольшой разряд пробежал по сиденьям зрительского зала. Зал притих. Судья вновь заговорил.

– Я прошу тишины. Да, это правда. Никита Стелли родился не здесь и ни на какой другой из баз движения. Он человек из гигаполиса. Девять лет назад в Токио мы нашли этого парня. После беседы он добровольцем отправился с нами. Нам нужны были и сейчас нужны опытные люди, а он является профессиональным пилотом 3А-1В классов флеромоновых воздухолётов и космолётов, он служил в спецподразделениях, а также был лоялен нашим взглядам.

В зале кажется даже, перестали дышать. Все внимательно слушали.

– Несмотря на то, что Роберт оказался практически вашим родственником, с вас не снимается ответственность за его появление на базе. Тем более вы виновны в появлении в движении Мери Остин, учёного с зависимым мозгом. У девушки обнаружена глубокая нейрозависимость. Из-за этого факта она будет ходить до исполнения приговора в анейрошлеме, – судья прокашлялся, взглянул на своих коллег и продолжил.

– Несмотря на ваш послужной список и пользу, принесённую движению, вы всё-таки гражданин из гигаса. Благодарите друзей и сослуживцев, они заступились за вас. Ник Стелли, вы остаётесь на службе. Новое назначение получите в службе операций. Отныне вы техник пятого разряда, обслуживание клондеров, кутласов и соцеров.

Старший судья прокашлялся и продолжил.

– Представители гигаса, встать! – громко обратился он к людям, сидевшим в стрековой камере.

Джон и Мери по его приказу поднялись с компакт – сетов.

Ван ден Град удовлетворённо кивнул.

– Именем движения свободной планеты, генерал правительства Союза трёх рек аль Ахруб, настоящее имя Роберт Хуарес, а также Мери Остин, учёный-генетик правительства Союза трёх рек. Во избежание неприятностей и для обеспечения безопасности четырёх миллионов людей вы будете отправлены на корабле в безлюдную тишь без костюмов и воды. Приговор вынесен и пересмотру не подлежит. Привести в действие не позднее 20.00 местного времени сего дня.

У Никиты потемнело в глазах, разум затуманился. Он прекрасно знал, что означают слова судьи. Приговор отправлял Роберта Хуареса и Мери Остин под губительные лучи солнца без костюмов и продуктов.

Отступник вскочил и закричал на судью. Затем бросился к столу совета. Те же двое, что вели Никиту в зал, перехватили его по пути. На этот раз они схватили его за руки, и под лучом электроразрядника капитан Стелли затих и упал на пол.

Зал пришёл в движение, но тут же все замерли, устремив взоры на стректовую камеру.

Остин стало хуже. Она уже не контролировала себя. После оглашения приговора девушка словно взбесилась. Она бросилась на стрек. Её тотчас поразили тысячи мельчайших жал, а Мери всё давила и давила на ограждение. Глаза начали вываливаться из орбит, в уголках рта появилась кровавая пена. Послышался громкий вздох, хрип и тело Остин бездыханно упало на пол. Тело, скорее похожее на мумию.

Почти сутки прошли с момента окончания трибунала. Ник с крестным сидели в камере из супрастрекка. За это время никто не пришёл к ним. Даже радиоприемник в тюремном отсеке молчал.

Никита всё ещё переживал из-за смерти учёного.

– Как ты думаешь, Роберт, что они теперь с нами сделают? Ведь не могут же они убить одного из лидеров бойцов.

– Проблема не в том, сделают они это или нет. А в том, когда и где. Помнишь, как умерла Остин?

– Да, это всё моя вина. Незачем было тащить её с собой. И тебя тоже...

– Не в этом дело. Они знали, что она не контролирует себя, но не привязали. У неё была глубокая зависимость. Правительство полностью контролирует многих учёных и военных. По сути, в мире уже господствуют машины. Я многое знаю, а твой отец ещё больше. У меня в голове отсутствует, этот чёртов приборчик. Вести себя, как подобает нейросоциумам, меня научили. Ну, это как-нибудь потом. Теперь, когда уже поздно, что-либо изменить, я знаю что движение, просто кучка преступников, которые командуют кучей честных бойцов. Ничего не меняется в этом брэнном мире. А в гигаполисах большинство против нейро, и эти наивные люди пытаются сбежать и попасть к вам в движение. Шило на мыло не меняют. У Земли нет будущего, есть прошлое, и есть настоящее, которое ещё можно изменить. По этическим соображениям тебе не стоило бы рассказывать правду, но возможно теперь у тебя другой взгляд на свою никчемную жизнь, родителей, другая мотивация и цели. Твой отец был одним из самых уважаемых людей не только в армии, в стране. Его многие уважают на мировой арене. Он искал тебя не просто, как сына. Есть и другая сторона вопроса. Угроза. Знал бы он, что ты и есть часть этой угрозы. Джон один из создателей секретной структуры и спецподразделения при ООН. Я тоже оттуда. Думаю, ты должен знать, а там уже тебе решать, как поступить с полученной информацией, – Роберт замолчал и глубоко о чём-то задумался.

– Крестный, о чём ты?! У нас здесь все на равных. Если бойцы увидят ложь в словах руководителей, то их тут же сметут, – Ник говорил и сам пытался верить в свои слова.

Прозвучал сигнал зуммера. Где-то справа послышался звук открывающейся двери. Через мгновение прямо перед Стелли стеновая панель отъехала в сторону, в темноту камеры просочился мягкий свет коридорных светлячков. В свою очередь на потолке камеры загорелся синий фаон.

Перед зажмурившимся от света Никитой, возник Пол Граннер.

– Привет, командир. Здравствуйтесь, генерал. Я здесь с неофициальным визитом. Сегодня на постах наши люди, – проговорил он, слегка сипловатым голосом.

– Привет, координатор. Почему ты так говоришь? Твои слова пропитаны заговором и страхом, – тихо, почти неслышно сказал Ник.

Граннер сел и вновь заговорил.

– Никитос, у вас неприятности, как впрочем, и у меня будут скоро. Тотти сегодня утром прослушивал базу. Он слышал разговор второго с седьмым. Вас убьют при попытке к бегству, которое руководители сами и устроят. Вам надо бежать раньше, лучше всего сейчас. Бежать по-настоящему.

– Как я могу знать, что это и не есть губительная попытка бегства?

– Ник, с самого первого дня появления тебя на базе, кто был твоим другом?! Как можешь ты подозревать Граннера! Человека спасавшего твою жизнь уже дважды?! Это глупо.

– Это не глупость. Это позор. Прости, Пол. Что же нам делать? – виновато улыбнувшись, произнёс главный.

Граннер отмахнулся рукой, показывая, что вовсе не в обиде.

– Сейчас я выведу вас отсюда. Ребята из твоей команды всё уже подготовили. На платформе 3—1—04 ты найдёшь кутлас. Ник, он в автоматическом режиме. Только введи координаты 34—152, гигаса Сидней. Тотти говорит, что на базе необычно тихо. Все затаились и чего-то ждут.

– Это связано с варгенами? – шёпотом, в котором ощущалась напряжённость, спросил Ник.

– Да-да, кажется. Командир это секретно, по линии координаторов прошла информация, что один из контейнеров разгерметизировался. Впрочем, какой для тебя может быть секрет, – усмехнувшись, ответил Граннер.

– Как я знаю, варгены эти против китайцев и американцев. Они ведь безопасны для нас, правда?

– Нет, послушай. Американцы такие же белые, как и мы. А другой тип варгена разработан против китайцев, малайцев. Среди нас таких большинство. Китай ведь не на Марсе, – координатор наградил главного серьёзным взглядом и встал.

– Чёрт, что же это творится! Уже кто-нибудь умер?

– По моим данным, нет. Поэтому руководители и засекретили утечку.

– Почему ты и моя команда не хотите лететь с нами в Сидней? Правительство защитит всех, – главный с надеждой и мольбой взглянул в глаза Полу.

– Это невозможно. Да и мы выросли свободными, мы не допустим, чтобы в наши головы вставили нейро. Разве не помнишь, как были пойманы тысячи наших?! Не помнишь её?! Ты забыл её Ник, а ведь так сильно любил.

Никита стрельнул взглядом на координатора и сменил тему.

– Замолчи, Пол. Мой отец, авторитет в армии. Ничего с нами не сделают. А на счёт... я её никогда не забывал, и любить буду всегда. Не смей вспоминать, Пол! Давай не будем.

– Ладно, капитан, бегите сейчас к платформе. У выхода из тюремного отсека вас ожидает Джереми. У него возьмёте излучатели, воду и синт. Я думаю, вы спокойно доберётесь до Сиднея. Единственная проблема, топливо. По расчетам Харриса топлива хватит до форпоста в километре от гигаса. А защитные костюмы мы не смогли достать. Ник, они на особом учёте.

– Знаю. Думаю, обойдётся. Граннер, присмотри за ребятами, у тебя большие полномочия. Ладно, помоги мне с Робертом. У него стресс со вчерашнего дня. Кажется, ноги не слушаются.

Глава 4

Время преподносит свои сюрпризы, и самый опасный на данный момент и в будущем – терроризм. Реальность века прогресса дала

террористам неограниченные возможности и почти стопроцентную неуязвимость. Компьютеры, быстрые транспортные средства, огромный выбор средств убийства и разрушения. Исламисты, это прошлое. Сейчас террор и его пособники это фанатики без веры, рода крови, национальности и ценностей. Это японцы, африканцы, русские, латиноамериканцы,

европейцы. В каждой нации есть свои отбросы. Правительства находят применение этим нелюдям. Появились они всего лишь как очередной вид оружия в руках властей, которые не знают теперь,

где находится «предохранитель этого оружия». А он, откровенно говоря, сломан!

Спокойно, спокойно, Земля ещё цела.

Правду откроет лишь время и другой менталитет потомков агрессора. Надо бы рассказать, как одна самонадеянная нация разворошила «осиное гнездо» на Ближнем Востоке, но мой язык «без костей». Он выскажет много лишнего, чем могут воспользоваться противники мира.

Международная нейробiblioteca. Евгений Турсунов. 2028 г.

- Второй шестому. Что с беглецами? Вам удалось их уничтожить?
- Нет, второй. Они ушли. Что сказать бойцам?
- Ничего! Объявляй операцию «Ген». Я включаю третий канал связи. Главное сохранить до поры до времени всё в тайне, – ответил второй.
- Разве у нас есть все виды культур? – смутившись, спросил шестой.
- Да, вчера прибыли контейнеры с варгенами из Трирата России. Всего около пятидесяти контейнеров. Все операции прошли неожиданно успешно.
- А что ОСА тоже прислали? Значит, мы готовы к операции ультиматума альянсам и шантажа правительства?
- Сегодня утром «Вултур» доставил на базу шестьдесят один контейнер и почти тысячу добровольцев из Северной Америки. Они должны распространить патогены в гигасах Трирата и Южной Америки.
- Сэр, мы подготовили три тысячи сто восемьдесят авлов для наших варгенов и две тысячи сто шестьдесят авлов для культур из России, для добровольцев. У нас нет больше ни одного автоматического аппарата доставки.
- Шестой, послушайте меня. Вскрывают с бойцами с седьмого по пятнадцатый ангары. Там более восьми сотен сверхзвуковых двадцатого года выпуска. На этих «стингах» полетят пилоты с «Вултура». Вы поняли?
- Отлично вас понял! Как же всё-таки с капитаном Стелли?
- Забудьте о нём, шестой. И не называйте это молокососа капитаном, он всего лишь прихвостень нейроправительства. Он умрёт, как и все прочие в гигасах. Хотя преследование нужно продолжить. Вдруг этому чумному удастся достигнуть форпостов и выложить все сведения. Он достаточно много знает. Шестой, приступайте лучше к решению самой важной в вашей жизни задачи.

- Да, сэ, – шестой замылся, решая как бы вежливо отключить связь.
- Ладно, я пошёл на станцию третьей связи, – сказал второй и сам отключил передатчик.

Полёт проходил нормально. Харрис прокодил программу автопилота машины на наименьшую высоту полёта и самую безопасную скорость. Роберт уже пришёл в себя и рассказывал Нику про жизнь его отца после исчезновения сына из гигаса. Под кутласом пронеслась безжизненная пустошь. Выжженная солнцем, потрескавшаяся земля. Где-то конечно под толщей почвы возможно и выжили живые организмы. Но не наверху.

Было около трёх часов ночи на биоритмичном датчике Ника, когда и он, и Роберт уснули в своих пилотских креслах.

Ужасная тряска разбудила их. За окном горизонт прыгал в диапазоне трёх диаметров иллюминатора, как справа налево, так и сверху вниз и обратно. Роберт пытался что-то прокричать сквозь грохот.

Кутлас продолжал бороться за свою жизнь, его автоматика старалась совершить посадку.

Всё закончилось в одну секунду. Вокруг пилотов вспухли автоматические желеобразные коконы спасения. Послышался страшный скрежет и кутлас, перевернувшись два оборота вдоль своей оси, рухнул вниз.

Никита умудрился прикусить язык и, кряхтя, как старик, начал вскрывать кокон автозащиты. Вспоров лазерным лезвием обшивку кокона, он тотчас же полетел головой вниз. Падение оказалось не из приятных, он едва успел сгруппироваться, спасла небольшая высота. Ничего себе к счастью не сломав, Стелли – младший встал на пол, бывший ещё минуту назад потолком кабины.

– Крестный, ты как?

– Нормально, Ник. Ты уже на ногах? Помоги мне отсюда выбраться.

Никита помог Роберту слезть с потолка и пошёл осматривать салон машины. Ему удалось открыть ящик с продуктами и водой, всё вроде было в порядке. Минут пять отступник копался в бортовой аппаратуре, пока система кутласа не отключила механизмы и не открыла аварийные люки. Три из них заклинило, а вот четвёртый открылся, и на краешке салона появилось ослепляющее яркое пятно света. Роберт нацепил защитные очки, единственную вещь, найденную в аппарате для защиты от лучей солнца.

– Роберт, я пойду, осмотрю машину. На потерю топлива это не похоже, – Ник при этом изобразил рукой крутящийся в воздухе кутлас.

– Стой, там же солнце!

– Роберт... – Никита многозначаче взглянул на крестного. Отступник показал пальцем на свою бронзовую с серым оттенком кожу.

– Ах да, я и забыл, что ты не восприимчив к ультрафиолету. Постарайся недолго.

– Ладно, – главный похлопал крестного по плечу и выбрался через люк наружу.

Он отсутствовал почти час. Роберт начал волноваться и уже решился вылезти из кутласа, навстречу собственной гибели, когда в отверстии люка показалась голова.

– Здорово нас потрепало, – воскликнул отступник с самодовольной улыбкой.

– Что там?

– Крестный, ты ведь знаешь основные двигательные элементы кутласа.

– Да, когда-то я изучал корабли восьмого поколения.

– Роберт, руководители снова пытались убить нас. Они послали глакеты. У кутласа вдребезги разбит один из газоплазменных двигателей. Флеромоновое носовое кольцо снесено начисто, но это произошло уже после падения. Поэтому, думаю, мы и остались живы. Спасибо Харрису за его автопилот. Послушай крестный, нужно как-то добраться до гигаса.

– Что ты собираешься предпринять?

– Думаю оставить тебя здесь. У тебя будут продукты и вода, а через два-три дня я доберусь до Сиднея и вернусь. Возможно не я, а спецподразделение. Главное, не покидай салон.

Крестный покачал головой.

– Никитос, даже для тебя это слишком опасно, – запротестовал генерал.

– Нет. Солнце мне друг, как и нашим предкам. Роберт, пожалуй, я совсем новый человек. Нас таких уже около двух миллионов. За нами будущее и единственный шанс для остальных выжить, это создавать с представителями уф – протекса семьи.

– Иди же, не говори больше, иди. И возвращайся, возвращайся именно ты сам. Мне не нужны другие спасатели. Стой! У тебя сохранилась гильза, которую отец подарил тебе в восемнадцать лет? Отлично. Она досталась ему от отца, она от старинного стрелкового пистолета. Твой дед не всегда был плохим, Ник. Он участвовал в Мексиканской войне на стороне правительства. После этого он ушел в отставку и растворился среди криминальных кланов мира. Он просто искал правду. Согласись, это более интересный способ прожить жизнь, нежели есть, спать и работать, как это делает большинство из нас. Поиск знаний стал для него пожизненной целью. В этой гильзе микрочип. Ты найдешь способ его применить. Он должен загружаться через общие базы нейробиблиотеки. Больше с моим уровнем допуска я не имею права знать. Форпосты ООН многочисленны, думаю, вокруг Сиднея они тоже есть. Там работают знающие осведомленные люди, у некоторых уровень доступа даже выше чем у меня. Дальше решать тебе. Твоя жизнь.

– Крестный, ты мне никогда не рассказывал. И родители молчали.

– Иди, Ник. Некогда сейчас. Скоро ты всё узнаешь. Что есть истинное добро, что есть зло. А пока, до сего дня, ты ровным счётом ничего не знал. И ничего не делал в жизни, просто тек по ее течению, жил по обстоятельствам и сиюминутным прихотям, – скупая слеза покатила из краешка правого глаза Роберта, прокатилась около носа, губ, до подбородка. Затем она тихонько упала на полимерную обшивку салона.

Шёл третий час террористического бедлама. Большинство культур достигли своих целей. Уже были мертвы пять тысяч пилотов камикадзе. Девяносто из ста контрольных дисплеев в кабинете второго руководителя уже погасли. Лишь оставшиеся десять указывали путь следования авлов, они передавали изображение местности, над которой пролетали. Но и они достигли целей за жалкие двадцать минут.

На всех материках суетились военные. Настоящим шоком вдруг явилась информация об отсутствии антигенов.

Это было начало конца. Крах цивилизации был виден невооружённым глазом. Было решено законсервировать все производства кроме установок, вырабатывающих озон. Некоторые лидеры стран добровольно отправились в анабиозные камеры, дабы спасти себя. Многие надеялись на счастливый случай.

По соглашению, принятому на внеочередном заседании ассамблеи, были посланы тысячи направленных сигналов к звёздам. Люди надеялись на помощь неведомых обитателей галактики.

Миллионы людей оставались в полной изоляции от правды. Лишь некоторые наиболее грамотные подозревали подобное чудовищное состояние планеты.

Через двенадцать часов после атаки в мире погибли первые сто тысяч человек.

Благодаря нейро удалось избежать паники. Внутри гигасов жизнь текла как обычно. Работали подземные флоропарки, нейро-зоопарки, библиотеки и нейроклубы. Без лишнего шума закрывались порты и военные школы. Перестали принимать корабли с Луны.

Наиболее обеспеченных, а также выдающихся представителей рода человеческого поместили в анабиозные центры.

Миллионы взрослых и здоровых людей оставались лицом к лицу с надвигающейся опасностью.

Глава 5

Сегодня я снова корчился от головной боли. Вчера снова ударил мощный протуберанец. Мою ма он тоже настиг. Ещё сильнее чем меня. До рвоты и потери сознания. Отец очень волнуется и боится за нас. А я совсем не боюсь. С начала года это уже пятая вспышка на солнце. По данным новостных порталов уже миллион метеозависимых людей погибли. Объединенные данные все ещё не готовы. Десятки тысяч суцидов, забиты больницы, неврология, переполнены психбольницы. Миллионы страдают головными болями. А в прошлом году от раковых заболеваний и катаклизмов умерло тридцать семь миллионов человек. Такого ещё не было. Отец многое понимает, но в последнее время он почти не разговаривает со мной. В последнее время он сам не свой. Завтра вот снова улетает в командировку в Юэцию Америку.
Личный вариоком Никиты Стелли. 10 февраля 2032 г.

Даже мутанту, каким и был частично Ник, было трудно идти. Палящее, испепеляющее свечение солнца тяжёлым грузом навалилось на отступника. Где-то на севере был гигас, но даже этого грандиозного сооружения не было видно. Только сейчас он пожалел, что не взял больше воды. Не рассчитав свои потребности, Стелли решил взять с собой лишь один литровый резервуар и четыре синта. Посреди этого унылого пейзажа он сейчас стоял и допивал последние капли.

Начало смеркаться. На фоне горизонта показался купол. Но это был не гигас. Всего лишь обычная обсерватория. По биокоординату Ник высчитал, что обсерватория находится на полградуса правее его маршрута. Кажется, он сбился с пути.

Чертыхнувшись, отступник направился к куполу. По пути он обдумал сложившееся положение и неожиданно для себя порадовался тому, что сбился с курса. Возможность найти летательный аппарат была все так же мала, но сам факт передышки воодушевил Стелли. Он приблизился к куполу.

Единственным входом в обсерваторию оказались двери центральной башни спрятанной под куполом. Отступнику несказанно везло. Наступила ночь и автоматика раскрыла купол, чтобы телескопы смотрели в небо не через полимер, а так сказать напрямую.

Ник обрадовался этому факту и побежал к оказавшимся без защиты купола, дверям башни. Но они оказались заперты. На душе стало склизко, как-то неуютно. Боец обошёл башню вокруг, и не обнаружив никакого другого способа забраться внутрь, вернулся обратно.

Отступник решил отдохнуть, прежде чем идти дальше. Он сидел и смотрел на звёзды. Думал о крестном, соображая, как быстрее вернуться за ним. Но прежде предстояло дойти до Нового Сиднея. По ходу своих размышлений Ник начал клевать носом.

В полуметре от стены башни внезапно из земли высунулись три трубы. Две из них, словно бутоны тюльпанов, раскрылись и трансформировались в стационарные лазеры.

Слегка задремавший Ник очнулся только от голоса с характерным командным акцентом.

– Встать! Кто вы? Не смей двигаться без разрешения, – прокричали ему, откуда-то сверху.

Стелли попытался рассказать об аварии, но, похоже, что его не слышали.

Наконец голос стал спокойнее.

– Вам разрешается подойти к сторожевому сканеру и обозначить себя.

Ник огляделся и увидел третью трубу, трансформировавшуюся в нечто, напоминавшее небольшой столик. Он двинулся к нему. Глазки лазеров неотступно последовали за ним.

Столик и вправду оказался сканером.

Из башни вновь донёлся голос.

– Как мне говорят приборы, у вас отсутствует нейро в голове. Отсюда следует, что вы террорист. Получается, что движение уже и на гражданские объекты нападает? Как низко вы пали, борцы за свободу, – с явной иронией сказал тот, кто сидел в башне, – Я не вижу пока ваших товарищей. Передайте ваши данные. Нажмите три зелёных символа в самом нижнем ряду. Затем, наклонившись, говорите. И ещё. Давайте договоримся, если вам понадобилась обсерватория, то сразу уходите. Я вас не трону. Если что-то другое, то говорите по порядку: кто вы, откуда, зачем. Дополнительные вопросы, если необходимость возникнет, задам позже.

Отступник нажал одновременно указанные символы и произнёс.

– Я, Ник Стелли, бывший боец освободительного движения Земли...

Далее он рассказал все обстоятельства своего незапланированного появления возле обсерватории и краткие факты из своей биографии.

– Скажите. Как вы можете доказать, что вы сын генерала Джона Стелли?

– Его зовут Джон, Джон Стелли. А больше мне нечего сказать, и какое вам дело, как зовут моего отца?!

– Вы мне не скажете, как зовут его жену?

– Вы... Она умерла. Она была моей матерью. Её звали Александра.

– Приложите большой палец к сканеру.

Ник беспрекословно выполнил просьбу. Палец кольнуло. Видимо прибор, не только снял отпечаток, но и взял пробу крови на экспресс-анализ.

Минуту стояла тишина, затем голос довольно приветливо произнёс.

– Вползай, Никита. Считай, что у тебя сегодня день рождения, счастливый день. Нейро-библиотека подтверждает твою личность. Ты в розыске.

Отступник ничего толком не понял, но с радостью вошёл в открывшуюся дверь.

По сравнению с ночным воздухом планеты, холл обсерватории казался морозильником.

Напротив входных дверей на винтовой лестнице уходящей куда-то в потолок, стоял высокий, худой мужчина. Его порядком осунувшееся лицо напоминало мертвеца, пока в холле не включились фаоны.

– Возможно ты тот, за кого себя выдаёшь. Приборы не врут, и хотелось бы в это верить. В общем, ты пришел по адресу.

– Кто вы? – Ник уставился на мужчину, пытаясь сдержать насмешку.

– Ник, тебе ничего не скажет мое имя. А вообще Гектор Лонико.

– Мне нужен транспорт и точные координаты гигаса Сидней. Биокоординатор всё-таки сбился.

– О, о, тормози. Какой шустрый. Если вы летели прямо, от Старого до Нового Сиднея, а потом ты шёл к гигасу, то твой координатор можно выкинуть. Хотя нет. Не надо. Думаю, твой крестный специально настроил координатор на обсерваторию. Это ближайший форпост спецподразделения ассамблеи, где есть наблюдатель. Это я. А твой отец не последний человек в подразделении.

– Да кто вы? И что за спецподразделение? Мой отец ведь генерал Японии.

– Не совсем. Как ты сам это представляешь?! Уроженец Нью-Йорка с гражданством ОСА вдруг стал генералом Японии. Очнись, парень! Ладно, Ник, позже все узнаешь. Племянник, твоё кодовое имя для наблюдателей вроде меня. Так, кроме посвященных, никто не понимает, что ты один из участников проекта. Твой отец один из создателей этого подразделения. В подразделении только одних наблюдателей полторы тысячи. А ещё координационный совет, дивизион спецсвязи, о них ты позже узнаешь. И это все на деньги правительств, при полном информационном вакууме нейровластей. Твой отец – гениальный человек. Мы разбросаны по всему миру. К кому-нибудь ты всё равно бы попал рано или поздно.

– Черт, да как же так! Я меньше всех знал о собственном отце. Вот ты, даже лично с ним не встречался, но знаешь такие вещи, про которые я и подумать не мог, – Ник тяжело выдохнул – Гектор, мой крестный находится в разбившемся неподалеку кутласе. За нами охотятся. У вас есть здесь нечто, хоть самую малость похожее на летательное средство?

– Есть старый грузовик, соцер. Хоть и дряхлый, но я за ним хорошо следил. Машина летает получше многих новых! Но для начала я накормлю тебя. Когда заберёшь крестного, залетите ко мне.

– Зачем?

– Так нужно, пойми. Я знаю, ты поймёшь. Позже! – ответил Гектор.

Они взобрались наверх. Гектор закрыл люк в полу и направился к одному из пультов, расположенных вокруг стен смотровой площадки башни. При помощи комбинации клавиш Гектор открыл люк, находившийся совсем близко с первым.

– Кстати, Никита, тебе повезло, что я засёк тебя. Понимаешь, обсерватория полностью автоматическая, а я здесь в качестве дополнительного наблюдателя. Правда, не совсем обычного наблюдателя, как ты мог догадаться. Позже покажу тебе все помещения. Так вот, меня здесь не было, а ты не знал пароль, поэтому автоматика включила бы после десятиминутного ожидания режим уничтожения, – Гектор махнул рукой, – Пойдём, покажу, чем я тут занимаюсь. Ты наверно знаешь, сам же жил в гигасе, что с появлением центров и уничтожением экосистемы, не исчезли богатство и бедность. Богачи, в отличие от остальных и не собирались питаться синтом. Поэтому правительство и решило разрешить строительство подземных теплиц.

Они спускались по другой винтовой лестнице. Только эта, вторая лестница оказалась раза в полтора длиннее предыдущей. Ник почувствовал под ногами пол, но не металлический и не полимерный. И не почву, что-то мягче. Гектор нажал, невидимую отступнику, кнопку на стене. Огромное помещение открылось его взору, а под ногами было нечто зелёное и жёсткое. Стелли стало немного не по себе.

Смотритель произнёс.

– Знакомься, трава. Ты родился слишком поздно, солнце уже погубило на поверхности всё. Раньше планета почти вся была покрыта травой. Ну, ты это знаешь из нейрокурса школы.

– Я успел застать ещё время, когда была растительность, животные и нормальное свечение звезды. Так-то Гектор, я родился в 2017 году, задолго даже до первого всплеска. И я учился в обычной школе на окраине Екатеринбурга, это в Трирате России.

Наблюдатель, молча, выслушал тираду отступника и продолжил.

– Понимаю. Это из-за препарата молодости. Ладно, соглашусь. Так вот. Меня сюда и направили. Я по натуре отшельник. Поэтому лучше здесь, чем в центре ООН. Власти выделили средства и оборудовали семьсот таких обсерваторий. Раз в две недели сюда прилетает клондер и забирает выращенные продукты. Наверно он больше не прилетит, судя по последним новостям. Удивительно, что у меня ещё доступ к нейробiblioteке сохранился. О чем это я?! Правительство получает огромные средства от продажи свежих овощей, фруктов и зелени. Поброди здесь, а я пойду, загружу программу продувки. Около половины третьего ночи сюда по специальным ходам запускается свежий воздух. А тебе совет, пока ничего не ешь.

Ник побрел по подземным галереям теплицы среди зарослей, с восторгом разглядывая, зелёные создания. Было очень непривычно бродить среди этого буйства растительности после многих лет обитания в пустыне.

Вернулся Гектор с транспортсетом, ящиком с антигравовой подушкой. Они вместе ходили среди травы и собирали фрукты.

Уже в столовой, в башне, Никита поедал всё это, чуждое ему.

А потом они с Граннером смеялись друг над другом. Главного вывернуло наизнанку сразу же после ужина. И только тогда до Гектора дошло, что Стелли привык к синтетической пище и новые ферменты вызвали естественную реакцию.

Наблюдатель оставил отступника приходить в себя и ушёл готовить соцер к полету. В это время Ник сидел в башне и вспоминал проведённые им в движении годы. Вспоминал и проведённые операции. Ни в одной из них команда главного не захватывала подобного купола. Сейчас стало ясно как божий день, что и слов то никто таких не употреблял, как трава, фермы. Лишь однажды он стал невольным свидетелем спора руководителей.

Второй убеждал третьего, что движению необходимо захватывать фермы. Он хотел, как богачи в гигасах употреблять натуральные продукты. Третий твёрдо стоял на своём и убеждал второго, что и так много бойцов гибнет ни за что. «Мы будем жить на синте, лишь бы достичь цели», – говорил он.

С того дня Ник третьего ни разу не видел. Впрочем, и второй никогда больше не говорил о захвате ферм.

Вернулся Гектор и позвал Никиту следовать за ним в ангар. По пути он давал инструкции по вождению соцера. Оказалось, что наблюдатель умудрился заменить флеромоновые подушки на самодельные ионники. Машина стала надёжней в управлении и гораздо безопасней.

Они расстались без лишних слов.

Открылся люк. Сверху хлынул уже успевший стать прохладным воздух. Соцер начал подъём. На выходе из ангара Ник успел лишь увидеть знакомые трубки лазеров. Машина пошла на подъём до стратосферы...

Повсюду гудели сирены. Мерцали жёлтым и синим цветом фаоны. Шёл отсчёт.

Всё. Ангар опустел. «Вултур» устремился ввысь.

Второй рассмеялся на всю рубку управления, и хищно уставившись на остальных, выдал целую тираду.

– Теперь вы все видите, чем заканчивается противодействие нам. Руководители, нет, не так. Движение достигло своей цели! Мы обезвредили мировое правительство и освободили общество от рабства нейро.

– Даже если и так, всё равно это жестоко. Такое ощущение, что я всю жизнь заблуждался. Осознавать факт уничтожения миллионов людей нереально. Я жалею, что когда-то пошёл в движение, – проговорил почти про себя пятый.

Но второй всё расслышал.

– Что ты сказал?! – взбешённо заорал второй руководитель, – Ты против нас!? Ты против меня!?

– Сейчас я думаю, что ты и ещё несколько человек в нашей организации просто изуверы. У вас помешательство! Ты же, второй, полнейшее чудовище, – пятый покрутил указательным пальцем у виска.

– Не смей, ты ведь и сам такой! Ты сам принимал в этом активное участие.

– Неправда, я совсем другой. Я всего лишь хотел избавиться от нейроконтроля. Не могу понять, как меня занесло так. Впрочем... Я ухожу, и попытаюсь, в этом не сомневайтесь, донести правду до нужных людей.

– Никуда ты не пойдёшь. Мы все повязаны.

Но пятый уже покинул компакт-сет и направился к двери. В глазах второго закипела ярость, он сжал кулаки так сильно, что ногти слегка врезались в мягкую ткань ладони. По ребру руки стекли несколько капель крови. Второго уже начало трясти.

Прозвучал выстрел. Пятый упал на тёплый металл пола, выпуская с тихим свистом воздух из лёгких.

Второй обернулся к остальным.

– Что смотрите?! Надеюсь, теперь здесь нет бунтовщиков!? Вы ведь понимаете, что он предал нас, пошел против всего движения. А я не потерплю измены!? А теперь унесите его и выбросьте за борт.

Все остальные, молча, подчинились и принялись за дело.

Когда всё кроме второго вышли, он откинулся в патклер – кресло и начал с наслаждением рассматривать Землю, через один из иллюминаторов.

Планета была та же, что и раньше. Она всё ещё жила, и сносила все издевательства.

Руководитель безумно улыбнулся, представив, как будет править всей планетой. Как руководители всех подразделений преклоняются перед ним. Как он уничтожает правительства всех стран пяти великих континентов. Как решает, жить или умереть тому или иному человеку.

Машина шла великолепно. Никита изумлённо следил за манёврами автопилота соцера и всё поражался, как Гектору кардинально и весьма профессионально удалось модернизировать соцер.

Внизу, наконец, показался кутлас. Когда он ввёл программу посадки, соцер уже пролетел километров семь дальше места аварии. Отступнику пришлось вручную корректировать полёт.

С шумом и поломкой одного из амортизаторов бойцу удалось посадить соцер. Он вылез через боковой люк и побежал к кутласу.

– Крестный! крестный! – закричал Ник при приближении, – Почему ты мне не рассказал о спецотделе, и что...

В этот момент он просунул голову в салон кутласа. Роберт лежал с полузакрытыми веками. Жизнь уже покинула его. Главного словно ударило током. Он пролез внутрь и, упав перед крестным на колени, прижал его голову к своей груди. Ручьи слёз потекли по щекам. Слёзы стекали по подбородку и шее, затекали за ворот рузона и впитывались в троптотекс. Он рыдал, словно ребенок и не мог остановиться. Он не ощущал себя взрослым, не чувствовал больше, что он матерый боец спецназа, не помнил, что смерть видел тысячи раз. Все кануло в небытие.

Наконец ему удалось взять себя в руки. Отступник бесшумно встал и выбрался из кутласа.

Уже отлетев километров на пятьдесят, он повернул соцер обратно и совершил посадку.

Ник осмотрел крестного. Руки и лицо были сплошь покрыты глубокими язвами. Ник уже вылезал из кутласа, когда проскрипел сквозь зубы.

– Видно и эта зараза меня не берёт.

Перетащив тело Роберта из салона на красную как кровь землю, отступник закопал его. Затем при помощи гравиподвески соцера поднял кутлас и опустил на могилу. В качестве надгробной плиты боец закрепил дисплей кутласа, выкрученный с панели управления и вынесенный на удлинителях на внешнюю обшивку. Трижды он включил двигатели соцера на полную мощность. Так своеобразно он отдал салют чести.

На крейсерском малом, он возвращался к обсерватории, всматриваясь своими почти бесцветными зрачками в залитую солнцем пустошь.

Уже на подлёте к обсерватории Ник почувствовал неладное. Люк ангара был раскрыт. Купол был убран, как и ночью. А сторожевые лазеры стояли с опущенными деактивированными стволами.

Отступник аккуратно посадил соцер, выбрался и начал осторожно продвигаться к башне. На входе в холл он сообразил, наконец, всё.

Как раненый зверь, он взлетел по лестнице в зал управления башни. Никого там не найдя, начал спускаться в подземные галереи.

Из темноты раздался глухой, болезненный голос.

– Это ты, Никита?

– Лониго, ты здесь?!

Послышался шорох и вздох. Включилось освещение. Возле дверей в теплицы, опираясь на стену, стоял Гектор. Включив фаоны, он опустился на пол. Подойдя к наблюдателю, Никита увидел уже знакомые язвы.

– Что? Ты забрал своего крестного? – сдерживая кашель, прохрипел Гектор, – Он мёртв...

– Да, откуда ты знаешь?! Нет, не говори. Спецотдел ООН. И ты тоже. Это всё я виноват.

– Не только ты. Ты теперь просто носитель, – Гектор провёл рукой по вспотевшей шее.

– Я смогу тебя спасти. Нужно добраться до гигаса, поместить тебя в анабиоз, а затем найти антиген.

– Не успеть. К тому же криоцентры уже заняты. Я слышал по нейроканалам, что в мире, в гигаполисах эпидемия. Ты понимаешь. А сыворотка, антигены. Хм. Антигенов не существует. У нас, у людей всегда так. Однобоко, что ли. Мы думаем, как уничтожить, поработить, разрушить. Не вдумываясь во весь абсурд своих мыслей и действий. Ты вот также. Натворил дел. Не задумываясь о последствиях. Все беды в мире от глупости. Умный человек плохо никому не сделает!

– Что?! Как не существует. То есть руководители и власти... О, нет! Что же это...

– Мир погиб, Никитос. Но не всё ещё потеряно. Кто-то остался в анабиозе. И кто-то есть вроде тебя. С положительным пси-полюсом и со сложной структурой ДНК. Забери в центральном вариокоме информацию. Код, Племянник Стелли. Сканер потребует ещё экспресс-анализ. Информация лично для тебя. Я один из тысяч наблюдателей спецотдела прогноза ООН. Тебе нужно попасть в квартиру в Токио, рядом с модулем твоих родителей. Там ещё тридцать соседних модулей принадлежат наблюдателям. Мы всегда были рядом. Да, ищи поддержку среди наблюдателей. Много тебе ещё предстоит узнать. Одним словом ты теперь сотрудник спецотдела, хочешь или не хочешь этого. Джон верил, что ты вернёшься, верил и в то, что ты одумаешься. Жаль, что это произошло при таких обстоятельствах, – Гектор зашёл в страшном приступе кашля. Справился с ним и, сплюнув на пол сгусток крови, вновь заговорил.

– Ник, всё, что узнаешь из файлов, запомни! Только это тебе поможет. Поможет помочь и другим. Это твоя сила и твоя ноша. Воспользуйся. Надеюсь, отец не ошибался в тебе! Слишком много было противников твоей кандидатуры.

– Хорошо, – отступник сжал руку наблюдателя.

– Уходи теперь. Мне нужно побыть одному. Не забудь закрыть за собой двери. И выключи, пожалуйста, свет.

Ник выключил фаоны и на ощупь добрался до лестницы. Примерно на середине подъема он услышал слабый вздох и перестал слышать хриплое дыхание зрителя.

«Вултур» вышел в заданную точку стратосферы. Второй беспокойно расхаживал по своей каюте, заложив руки за спину и скрестив их. Наконец остановился, окинул взглядом каюту, подошёл к пульта связи и нажал тумблер.

– Пилот, вы передали мой приказ команде?! – заорал он.

– Так точно, сэр.

– Как там у вас? Кто-нибудь умер?

– Сэр, кроме меня в рубке живых нет. Все три пилота мертвы.

– Вы способны посадить самостоятельно корабль?

– Сомневаюсь. Нет. Есть ведь ещё дублёры. По показаниям хетнеров, на борту корабля тридцать живых.

– Из ста семидесяти человек? Отключайтесь.

Второй хищно посмотрел на пульт связи. Ему захотелось вырвать его из креплений или испепелить лазером, но он совладал со своими эмоциями и включил тумблер общей командной связи.

– Сообщаю всем. На корабле эпидемия. Прошу связи всех отсеков. С первого по двадцать третий. Специально для руководителей. Вы выходите в эфир последними, на закрытой частоте.

Живая планета вращалась вокруг маленькой жёлтой звезды. Летели астероиды в поисках пристанища. Невидимые нити планеты притягивали к себе тысячи обломков искусственных спутников, заставляя их вращаться вокруг себя словно качели. Несколько крупных сегментов от орбитальных гостиниц, словно покинутые коконы бабочек перемещались в пространстве и времени.

Время остановилось для третьей планеты системы.

Все корабли из поселений Луны улетели, неся с собой страшные вести. Где-то в чёрной пустоте космоса спрятались в страхе планеты солнечной системы. По всей сфере небосвода продолжали блеснуть мириады светлячков-звёзд.

Отсюда они казались как всегда безжизненными и бесчувственными. Словно глаза вселенских птиц, однобоко они наблюдали за всем происходящим. Донося сюда каждое мгновение очередную порцию света и энергии. И если прислушаться, то можно было даже расслышать где-то внутри себя отголосок чужих миров, приносящих соболезнование Солнцу, отцу Земли, в связи с её кончиной.

Словно повивальная бабка, летела Луна. Как слёзы родственников, кометы продвигались, текли в пространстве. Метеориты, как горсти жертвенной земли падали на поверхность могилы. Падали на материки и в океаны, на острова и в моря. Попадая в атмосферу, метеориты вспыхивали, отдавая дань старушке, будто своему боевому товарищу, погибшему в бою. В бою, который человек вёл несколько тысячелетий с природой, и которую он выиграл, да так бесславно, что не удержал победы и сам погиб.

Как мемориалы, вскинулись в небо древние вершины в Андах и Альпах, в Гималаях и на Памире. Великая Китайская стена, спрятанная от солнца под поляризованное бронестекло, стала частью ограды. Спустившись ниже облаков, можно было увидеть огромных жуков могильщиков, развалины городов старой эпохи и современные гигасы, этакие скопища убийц.

К моменту смерти планета потеряла седьмую часть тела. Она чихала от промышленного смога столетий. Одежда её вся изнашивалась, и никакие заплатки уже не помогали, повсюду зияли озоновые дыры. Как европеец в пустыне, она страдала от жары. Кожа потрескалась, микроорганизмы её тела, животные и птицы, погибли, оставив после себя пустошь.

Волдырями покрыли кожу гигантополисы, памятники под колпаками. Царапинами и ранами изрезали плоть водные каналы.

Где-то под огромной гладью океанов скрылись станции и конкреционные заводы. Океаны стали последним оплотом животной и растительной жизни.

Душа покидала свой земной остров. Уходила далеко, мечтая когда-нибудь вернуться.

Глава 6

Через месяц мы переезжаем из Москвы в Токио. Там, по словам отца лучшая клиника по неврологии. У мамы не проходят головные боли. Иногда она видит галлюцинации. У меня здоровье пошло на поправку. Отец ходит встревоженный. Даже не знаю чем больше.

Здоровьем ма или происходящим вокруг. В последнее время отец много пишет и работает в кабинете. А ещё у него новая должность и он часто улетает в Токио. Мне уже тринадцать. Я начинаю что-то понимать. Вокруг происходит бардак. В новостях сказали, что в этом году на планете собрано 30% урожая. В некоторых странах начался массовый голод. А две недели назад произошло сильное землетрясение в Атлантическом океане.

По данным новостей погибло около девяти миллионов во всех пострадавших странах.

А вообще с начала года по моим подсчетам из-за катаклизмов и техногенных аварий умерло уже 70 миллионов человек. Это отец заставляет меня вести статистику. Знать бы ещё зачем. А вокруг все ходят спокойные, как говорит папа. Ведут себя как овцы на заклание. Нужно узнать, что это означает.

Личный вариоком Никиты Стелли. 3 октября 2033 г.

Сознание прояснялось. Где-то призывно звучал зуммер. В горле ощущался металл, было ужасно сухо. Голова трещала так, словно по ней ударили минимум пару раз чем-то тяжёлым. Вставать совершенно не хотелось, но зуммер продолжал верещать, и голова болела ещё больше.

Карина стянула маску с лица и попыталась встать, но это сделать не удалось. Как подкошенная она свалилась обратно на «Бэтси», свою кровать. Не понимая, что происходит, она тут же услышала, как зажужжал фармадатчик на стене. Он принял сигнал домашнего терминала об угрозе нормальной жизнедеятельности индивидуума.

Из открывшейся в стене ниши выехал цилиндрический андроид. Он подъехал к кровати и выпустил из себя два кабеля, толщиной с большой палец. Впрыснув необходимые препараты в организм девушки, андроид вновь спрятался в стене.

Через несколько минут Карина уже уверенно сидела. Послав сигнал на контрольную башню, она хотела узнать время, но нейро промолчал.

«Совпадение ли это?» – подумала Уэсли – «Разве могло так получиться, что нейросвязь не работает»

Вставал насущный вопрос «Что произошло и чего ждать дальше». Активировав аварийный нейротранслятор, Карина попыталась связаться со своим местом работы в порту, но сигнал контакта и здесь отсутствовал. Единственное, что было точно известно так то, что нейро не сломан. Зайдя в личные деловые связи, Уэсли обнаружила потерю контакта со многими учреждениями, а также со всеми секторами своего мегаполиса.

Ей даже в какой-то момент показалось, что Монтеррей, гигас 26—100, исчез, но присутствовали факторы, противоречащие этой догадке. Работала медицинская реакция личности, была доступна личная информационная база, накопленная Уэсли за тридцать лет жизни. Активными оказались и внутренние процессоры связи. Интересным оставалось то, что энергии метаболических аккумуляторов хватало лишь на сорок минут работы нейротранслятора, это объяснялось только недостатком энергии в организме. Необходимо было срочно поесть.

– Как могло получиться, что проспала я двенадцать часов по таймеру, а проснулась с истощением? – вслух произнесла девушка.

Наконец все заботы отошли на второй план. Она зашла на кухню и приготовила себе синтетический комплексный завтрак. Затем, скинув предварительно комбику, Карина с чувством освобождения зашла в душевую кабину. Почти не ощущая ультразвук, она чувствовала, как всё тело очищается. Это придало легкость, и несколько большую уверенность в своих действиях. Усмехнувшись над собой, она уже в тысячный раз попыталась представить старинный водяной душ, описание которого она обнаружила более трёх лет назад, в нейробиблиотеке. И в который уже раз не смогла представить все ощущения, получаемые от водяных струй, падающих на тело.

Полноценно освежившись, Карина вышла из кабины, достала из шкафа гигиенический тампон, надела бельё и любимую комбику оранжевого цвета.

Ещё полностью не осознав, что творится неладное, Карина начала обдумывать, как провести свой второй выходной день. Она решала, что же одеть на работу через шесть дней. Почти не сосредотачиваясь в выборе, Карина надела серебряную серьгу в виде плетёной веревочки с шумерскими письменами и вставила в ноздрю, пульсирующее синим светом кольцо.

Диспетчер порта Монтеррей положила руку на дверной сканер, но он не сработал. Окончательно взволновавшись, она толкнула дверную панель и та отъехала в сторону.

В комнату резко ворвался тошнотворный, неудобоваримый запах. Запах мёртвого тела, множества тел.

Девушка отскочила от двери. Ноги перестали слушаться в один миг. В висках застучала тупая боль. Чувствуя, что сейчас её желудок выпустит завтрак, Карина падала без сознания на пол.

Соцер с упрямством животного из нейрокурсов по истории и палеонтологии, кувыркнулся из стороны в сторону. Наконец не выдержав, Никита надавил на тумблер автопилота, и повалился, рыдая на полу машины.

Его одолевали противоречивые чувства. Весь букет цветов души вырвался наружу.

Когда Стелли пришёл в себя, под соцером уже было Тасманово море. Машина шла по круговой траектории на посадку в порту гигаса под номером 34—152. Новый Сидней угрюмо встречал бойца.

На ближайшей посадочной полосе мелькнули силуэты двух соцеров и эджа. Все внутрипортовые люки на первый взгляд казались закрытыми. Центральная контрольная башня не подавала признаков жизни. Не был даже принят запрос службы безопасности. Ник прекрасно уже догадывался обо всём.

Он внимательно отслеживал маневрирование своей машины, шедшей на посадку.

Вокруг порта на различных расстояниях взметнулись в небо массивные конусообразные башни, являвшие собой жилые комплексы, австралийские термитники. Каждый из них был рассчитан на двести с лишним тысяч жильцов. Новый Сидней состоял из двадцати восьми таких конусов. Все десять гигаполисов Единой Австралии были построены по одной конструктивной схеме.

Воздухолет, едва не зацепив верхушку третьего конуса, наконец, совершил посадку.

Выбравшись из машины и захватив с собой чип с информацией из обсерватории, лазер, последний синт и туб воды, Никита побежал к патрульному эджу, боясь каждую секунду быть поджаренным автоматическими стационарными лазерами.

Не приближаясь к соцерам, Стелли подбежал к эджу и открыл дверь в кабину. И мгновенно отшатнулся от волны тошнотворного воздуха рванувшего из кабины. Немного отдышавшись и придя в себя, Ник вновь подошёл к сторожевику и открыл дверь с другой стороны.

Как только ветер выветрил из кабины нестерпимое зловоние, Стелли вытащил тела пилотов из кабины и уложил их неподалёку. Затем прикрепил себе на мочку уха нейроретранслятор и вернулся к машине.

Не без труда забравшись в пилотское кресло, он активировал базы нейроархива и прочитал последние сообщения. Там были данные из нейроцентра Сиднея и приказ экипажу оставаться в машине на время карантина. Последняя строчка гласила «5 апреля в гигасе 34—152 объявлен карантин. Эпидемия».

Осмотревшись вокруг и пошарив по ящичкам, Ник нашёл столь нужные ему ёмкости, пакеты с синтом и тубы с водой. Съев со страшной жадностью два комплексных обеда подряд, главный с довольной улыбкой развалился в кресле. Он пока ещё не решил, как проникнуть внутрь гигаса, но точно знал, что это ему необходимо сделать. И сделать это он обязательно собирался.

«Если так пойдёт и дальше, и люди везде будут в таком состоянии как эти пилоты, то нужно срочно найти маску или фильтр» – размышлял он, направляясь в сторону контрольной башни.

У него наконец-то созрел план дальнейших действий.

Здесь были самые преданные люди. Все фанатики, помешанные на идее собственного единоличного господства в мире, а не миллионы облученных и помутнённых благими помыслами об освобождении человечества от нейроконтроля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.